

Задор адмирала

Михель
Гавен

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Михель Гавен

Заговор адмирала

«ВЕЧЕ»

2013

Гавен М.

Заговор адмирала / М. Гавен — «ВЕЧЕ», 2013 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8711-2

Казалось бы, где можно найти в Европе свободный трон в 1944 году, когда само понятие монархии сделалось архаичным? Тем не менее такой трон обнаружился в Венгерском королевстве, находившемся под управлением адмирала-регента Миклоша Хорти. Именно в 1944 году возведение «своего» монарха на венгерский престол стало отвечать интересам некоторых лидеров Третьего рейха, уже осознавших, что новая королева в Венгрии – последний шанс для Германии, терпящей поражение в войне с СССР. Но у Хорти были собственные планы на будущее Венгрии, идущие вразрез с интересами бывшего союзника…

ISBN 978-5-4444-8711-2

© Гавен М., 2013
© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михель Гавен

Заговор адмирала

© Гавен М., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Часть 1

– Ты знаешь, когда я был студентом, я частенько оставался ночевать в доме де Криниса, – Вальтер Шелленберг положил телефонную трубку и взглянул на Маренн, сидевшую в кресле.

Женщина кивнула:

– Я знаю.

– У него была обширная библиотека, впрочем, она и сейчас у него есть, – он обошел стол, сел в кресло напротив собеседницы. – Я читал книги ночами напролет. И поскольку де Кринис – австриец, у него было много книг о Габсбургах. В одной из них я прочел, что, оказывается, Габсбурги всегда отрицали, что возлюбленная кронпринца Рудольфа баронесса фон Вечера находилась с ним в охотничьем замке Майерлинг, когда он покончил с собой. Они утверждали, что она была в это время в Вене и умерла от горя.

– Тебя интересует, что я думаю об этом, как внучка кронпринца Рудольфа? – Маренн задумалась и машинально провела пальцами по волосам, собранным в большой узел на затылке. Ей не раз говорили, что волосы у неё такого же каштанового оттенка, такие же густые и длинные, какие были у матери Рудольфа, знаменитой императрицы Зизи.

Шелленберг меж тем кивнул:

– Было бы интересно узнать твоё мнение.

– «Она просто умерла от горя», – да, так сказал мой прадед император Франц Иосиф, – женщина вздохнула. – Как будто баронесса умерла обычно и естественно, и это никакая не трагедия. Как всё было на самом деле, доподлинно неизвестно.

Маренн встала, подошла к окну. На заснеженных ветвях пушистой ели напротив окна резвились две молодые белки, ловя друг друга за хвост. Увидев их, женщина улыбнулась.

– Я ведь выросла во Франции, – продолжила она, помолчав минуту. – Ты знаешь, мой приемный отец маршал Фош никогда не связывал мое будущее с Австрией. Он хорошо помнил, как его приняли мои родственники, когда он привез меня к ним после того, как я осиротела. Но тем не менее он вполне отдавал себе отчет, что я принадлежу к старейшей в Европе династии монархов и что мне, возможно, предстоит взойти на трон, а моей руки будут просить европейские принцы, например, английский или, скорее всего, германский. Все это происходило ещё до Первой мировой войны. Тогда все это ещё выглядело реальным, поэтому он, конечно, позаботился, чтобы я хорошо изучила историю своей семьи, и приглашал лучших учителей, в том числе и из Австрии. Как ушел из жизни мой дед, неизвестно, – Маренн обернулась к Вальтеру, который внимательно её слушал. – Перед тем как покончить с собой, он отпустил прислугу, и они остались в замке вдвоем с Мари. Точнее, Рудольф настаивал на том, чтобы Мари тоже уехала, но она предпочла остаться. Первой выстрелила в себя она, затем из жизни ушел кронпринц. Это была настоящая трагедия для Австрии. Для всей Европы. Старейшая и самая могущественная из европейских династий осталась без прямого наследника престола. Это стало явным предвестием будущего конца монархии и плохим предзнаменованием для Европы.

Белки одна за другой исчезли в ветвях; посыпался, поблескивая на солнце, снег, а Маренн вернулась к столу и опустилась в кресло:

– Я уверена, что останься кронпринц Рудольф жив и взойди он на трон Австрии – Европу ждало бы совсем другое будущее. Не было бы первой войны и как следствие – второй. Австрия смогла бы усмирить пыл кайзера Вильгельма, оставив его без союзников и заключив договор с Францией. Рудольф бы сделал это, несмотря на родственные связи с монархией Гогенцоллернов. И даже гибель эрцгерцога Фердинанда от руки террориста в Сараево не заставила бы его изменить убеждениям. А без Австрии и Россия не ввязалась бы в конфликт на стороне Антанты, у императора Николая был бы выбор, к кому примкнуть, и не исключено, что он

сделал бы его в пользу Рудольфа. Николаю совсем не нужна была война, ведь Россия мощно развивалась, но человек старой эпохи, рыцарь, солдат Франц Иосиф знал только один способ укрепить свою империю – война. Он поступил, как поступали его предки. И проиграл. Проиграли все, даже победители. Выиграли только большевики.

Маренн снова вздохнула, опустила голову, а через мгновение продолжила свою речь:

– Моя прабабушка императрица Зизи сделала все, чтобы Рудольф вырос человеком с тонкой, чувствительной натурой, понимающим потребности общества, умеющим сочувствовать и сострадать. Ей казалось, что это будет очень важно в наступающем веке. Не диктовать народу свою волю, а уметь разговаривать с ним, вступать в диалог. Но влияние Зизи при австрийском дворе всегда было слабым, несмотря на то, что Франц Иосиф искренне любил ее. Сторонники старых традиций, интриганы в окружении императора и в первую очередь реакционный глава кабинета Таффе добились того, чтобы не только сама Зизи вынуждена была проводить как можно больше времени вдали от Вены, но и чтобы её сын практически не имел контактов с отцом, а все его начинания проваливались. Это довело Рудольфа до отчаяния. Он чувствовал себя ненужным. Франц Иосиф не желал допускать его к государственным делам. Да, он любил сына, и императора нельзя упрекнуть в том, что он был к сыну холоден, но Франца Иосифа убедили, будто Рудольф ни к чему не способен, что он не солдат, а тряпка, наподобие «всех этих безумцев в баварском доме», как отзывались в Вене о Зизи и её родне. И никто не хотел даже задуматься, что солдаты на троне уже не нужны. Напротив – нужны тонкие, умные политики, которые смогут находить компромиссы в новом, меняющемся мире. Войны становятся слишком опасными и кровопролитными, убийственными для Европы. Надо учиться не воевать, а договариваться. Надо заботиться о народе, а не нещадно погонять его точно нерадивого ребенка, как привыкли веками. Зизи все это понимала, она учила этому сына, но оба они были раздавлены старой проржавевшей машиной, называемой «великая монархия Габсбургов», к которой сами же и принадлежали.

Как и говорила Маренн, никто не знает наверняка, находилась ли баронесса фон Вечера вместе с кронпринцем Рудольфом, когда тот принял решение уйти из жизни. Есть даже версия о том, что кронпринца убили венгерские революционеры, с которыми он поддерживал контакт, а потом они же привезли из Вены и убили баронессу, чтобы самоубийство выглядело правдоподобным. Однако более вероятно, что Рудольф и его возлюбленная вместе приняли роковое решение. Мари осталась с ним, чтобы хоть в смерти он не был одинок, как был в жизни. Во всяком случае, баронессу похоронили на сельском кладбище недалеко от замка Майерлинг, и могилу долгое время накрывала мраморная плита без надписи, чтобы никто не знал, кто там покоится. Только после крушения монархии Габсбургов родственники баронессы поставили ей памятник и написали на нем её имя. А император Франц Иосиф не нашел ничего лучше, как по совету своих министров, объявить сумасшедшему собственного сына. Он просто не мог найти других объяснений его поступку. Возможно, вполне искренне.

Франц Иосиф был жестоко наказан судьбой за свое нежелание понять сына – империя, о благе которой Франц Иосиф так заботился, рухнула. Пусть он умер раньше, чем австрийская монархия канула в небытие, но императору довелось узнать, сколь страшна ненависть, которую испытывают к нему подданные, как к олицетворению всего старого и отжившего. Самое драгоценное его сокровище, его Зизи, была зверски убита террористом. Террорист вспорол ей ножом грудь, и она умерла, захлебнувшись кровью. Императрица Австрии, когда-то всеобщая любимица! Эту ненависть, жертвой которой пала Зизи, взрастила не она. Зизи как раз сделала все, чтобы её уменьшить. Ненависть взрастили Франц Иосиф и его министры, а гибель Зизи стала истинным концом, смертным приговором для монархии ещё задолго до революции 1918 года. После гибели императрицы все окончательно покатилось в пропасть. Поражение в войне, революция, смута, голод – полный крах.

– А могло бы пойти иначе, – грустно улыбнулась Маренн. – Если бы Франц Иосиф вовремя уступил престол сыну, или хотя бы прислушивался к его советам в управлении государством.

– Насколько я знаю, венгры ведь предлагали Рудольфу корону, – серьезно заметил Вальтер Шелленберг. – Кронпринц отказался.

– Да, предлагали, – подтвердила Маренн. – Они предлагали её ещё Зизи. Отдельное королевство Венгрия во главе с представителем династии Габсбургов. Это почти две сотни лет была их любимая идея. Ни Зизи, ни её сын не согласились. Они не могли себе представить, как собственными руками развалить государство, которым предки Габсбургов правили почти полтысячи лет. К тому же делить Австро-Венгрию на фоне все укрупняющейся Германской империи с её нарастающими аппетитами было просто опасно. Германия бы съела Австрию и Венгрию поодиночке. И если в пору молодости Зизи все это было ещё не так очевидно, то накануне Первой мировой войны стало абсолютно ясно. Что толку выходить из-под власти австрийского императора, если сразу же попадешь в вассалы к германскому? Рудольф, наследник Габсбургов, подданный кайзера Вильгельма? Гогенцоллерны и мечтать о подобном не смели ещё каких-то сто лет назад. Зачем же было делать им такой дорогой подарок? Мой дед понимал это. Как и то, что ему необходимо развестись со своей женой Стефанией, которая так и не смогла подарить Габсбургам наследника трона, а жениться на любимой женщине, на Марии фон Вечера, и тем дать понять всем в империи, что власть становится гуманнее, ближе, она меняется. Впрочем, венгры, кстати, не очень-то и настаивали на отделении от Австрии, во всяком случае, во времена Рудольфа. От Габсбургов за долгие годы совместного сосуществования им удалось добиться немалых уступок и привилегий, заставить Вену уважать мнение венгров. Будапешт, по сути, стал второй столицей империи. Зизи очень часто жила там подолгу, и с ней – её приближенные, её двор. С Гогенцоллернами венграм пришлось бы похуже. Скорее всего, они попали бы в полную зависимость, и все пришлось бы начинать сначала.

– А что бы сказала внучка кронпринца Рудольфа, если бы сегодня «славные, храбрые венгры», как называла этот народ твоя прабабушка, снова вспомнили о своей затее?

Шелленберг встал, подошел к столу и начал перебирать бумаги, не глядя на собеседницу.

– О какой затее? Пригласить Габсбургов на трон? – Маренн повернулась, с сомнением пожала плечами. – Каким образом? В разгар войны? За спиной Германии, под самым носом Сталина? Это немыслимо, пусть даже Венгрия формально остаётся монархией и место на троне вакантно.

– Положение Венгрии сейчас резко ухудшилось, – Шелленберг прямо посмотрел на собеседницу. – Фюрер считает адмирала Хорти, который чудесным образом всё ещё остаётся во главе страны, крайне ненадежной фигурой. Хорти видит сгущающиеся над собой тучи и готовит собственные ходы. Один из них – выход из коалиции с Германией и достижение договоренностей с англичанами о так называемой почетной капитуляции. Адмирал понимает, что Черчилль не будет иметь дела лично с ним как с человеком, скомпрометировавшим себя сотрудничеством с фюрером. Вот почему Хорти готов мирно уступить пост ставленнику англичан, но при условии гарантii для себя и своей семьи. Хорти ненавидит большевиков. Он считает красную пропаганду главной причиной развала австрийской императорской армии в 1917 году, а значит – причиной крушения монархии Габсбургов, поражения Австро-Венгрии в войне и всех дальнейших несчастий. Согласись, адмирала нельзя упрекнуть, что он заблуждается. Ему хорошо памятна Красная Венгерская республика и армии Антонова-Овсеенко, которые едва не подмяли Венгрию под себя, не встань у них на пути Петлюра. Теперь же с отступлением наших армий вероятность того, что большевики снова окажутся в Будапеште, весьма высока. Это не может не тревожить Хорти. Спасение страны от порабощения Сталиным он видит только в одном – заключении сепаратного мира с союзниками Москвы. Параллельно он хотел бы решить и другую задачу, точнее, осуществить мечту, которую лелеял с того

самого момента, когда Карл Габсбург, последний австрийский император, отказался от трона. Эта мечта – найти для Венгрии нового монарха-Габсбурга. Хорти не без основания полагает, что Черчиллю как потомственному лорду понравится эта идея, да и английское королевское семейство, чьё мнение лорд должен учитывать, тоже выскажет одобрение. К тому же Черчилль не упустит случая щелкнуть по носу набирающего силу восточного союзника, ведь большевики в Европе – это страшный сон не только адмирала Хорти, но и Черчилля тоже, всей европейской аристократии и интеллигенции. На этой почве они точно найдут общий язык. А Черчилль сумеет уломать Рузвельта – Хорти не сомневается в этом. Американцам не меньше, чем англичанам, необходим плацдарм в южной части Европы, особенно при условии, что Югославия, скорее всего, отойдет Советам. Тито на их стороне, и повернуть эту ситуацию себе на пользу Черчиллю вряд ли удастся, несмотря на все усилия.

Вальтер Шелленберг оставил бумаги, сел за стол, откинулся на спинку кресла и, мечтательно улыбнувшись, продолжил:

– Ну и последнее – хотя для Хорти это, скорее всего, один из самых первых, серьезных аргументов – Хорти при условии реставрации Габсбургов становится одной из самых значимых фигур в венгерской истории и кроме безопасности обретет уважение и почет потомков. Потомки не забудут, что именно он подхватил страну, когда та падала в пропасть, загнанная в экономическую и политическую ловушку красными авантюристами, а затем ловко обманул фюрера и спас Венгрию от вторичного порабощения большевиками. О нём будут говорить, как о лидере, сумевшем сохранить традиции страны и старый венгерский дух, ну и напоследок помогшем восстановлению в стране легитимного правления династии, свергнутой незаконно. Мне, как ты понимаешь, нет дела до амбиций адмирала Хорти, но его цель – реставрация Габсбургов – мне близка. В конце концов эта парадоксальная ситуация, когда Венгрия по-прежнему имеет монархическую форму правления, но не имеет короля, должна разрешиться. Довольно уже Хорти побывал регентом при пустом троне. Пора посадить на этот трон кого-нибудь.

– И что же, адмирал Хорти уже определился, кого персонально среди наследников габсбургского рода он готов пригласить управлять страной? – спросила Маренн.

Маленький сын Вальтера, Клаус, спавший на кожаном диване у стены, повернулся. Маренн встала, подошла к мальчику, поправила одеяло, погладила по мягким, светлым волосам. Серый, похожий на волка Вольф-Астофель, занимавший вторую часть дивана, поднял голову.

– Спи, спи, – женщина погладила его нос. – Я не беспокою твоего друга.

Возвращаясь к столу, Маренн продолжила прерванный разговор:

– Вряд ли Черчилля устроит такая кандидатура, как, например, мой двоюродный брат, эрцгерцог Кобург-Готтский, хотя я уверена, что он бы не отказался от королевского венца ни в коем случае. Однако он официально числится группенфюрером СС, пусть даже и почетным, причём никогда не скрывал этого и даже похвалялся. К тому же эрцгерцог открыто водил дружбу с Гейдрихом, и Черчиллю все это прекрасно известно. А потомков габсбургского рода, проживающих сейчас в Великобритании и имеющих родство с королевской семьей, не примут венгры. В этом я уверена. Им известно, что эта ветвь габсбургского рода всегда считалась побочной. Как представители второй титульной нации в империи, они имеют право на первых лиц, но такие лица практически все, так или иначе, связаны с рейхом. По-моему, тупик, – женщина пожала плечами.

– Это правда, – согласился Шелленберг. – И Хорти все это хорошо понимает. Однако у него есть одна кандидатура, которая, по его мнению, представляется совершенно безошибочной. Происхождение напрямую от императора Франца Иосифа, блестящее образование, признание в Европе, никаких английских примесей. Как известно, состоит в личной дружбе с Черчиллем. Единственный недостаток этой персоны, – Вальтер лукаво наклонил голову, – то, что она женщина. Но это может быть и преимуществом. Венгры помнят и чтят императрицу

Зизи, её образ для них едва ли не так же свят, как образ Мадонны. Они с радостью примут правнучку Зизи на троне. Тем более что, как известно Хорти, – Вальтер сделал паузу, – эрцгерцогиня Мария-Элизабет в настоящее время содержится в одном из лагерей. Она была арестована, у неё ореол мученицы. Что больше убедит Черчилля? Кто лучше подойдет для того, чтобы склонить Англию на свою сторону, как не давняя подруга супруги премьер-министра, к тому же заключенная концлагеря? Официально!

– А неофициально? – Маренн с недоумением посмотрела на Вальтера. – Мне кажется, это какое-то сумасшествие? Нет? Ты хочешь сказать, что адмирал Хорти готов пригласить меня на венгерский королевский трон, и тем самым расположить Черчилля к заключению сепаратного мира, то есть к переходу Венгрии из стана союзников рейха в союзники Англии и Америки, благодаря чему венгры окажутся в стане держав-победительниц?

– Это не сумасшествие, это политические реалии, – Вальтер Шелленберг поднялся с кресла, подошел к камину, задумчиво закурил сигарету. – Я бы сказал даже политическая необходимость. Для Хорти. И он готов договариваться о деталях. Он понимает, что, продолжая иметь дело с фюрером, не сможет сохранить ту же относительную независимость Венгрии, на которой настаивал все предыдущие годы, когда откупался от Германии парой-тройкой дивизий, участвовавших в восточной кампании, по большей части в тылу. С приближением большевиков на территорию Венгрии будут введены немецкие войска, страна станет ареной кровопролитных сражений, и исход этой кампании совсем не обязательно сложится в пользу рейха. А победа Советов будет означать восстановление в Венгрии столь ненавистного адмиралу большевистского режима. Объявятся все эти коминтерновские деятели, отсиживавшиеся пока в Москве, и снова столкнут страну в пропасть экономического хаоса. Кроме того, война сама по себе означает разрушение, множество смертей, страдания народа, страх, голод, утрату значимых произведений искусства и архитектуры, а Будапешт – одна из древнейших европейских столиц. Хорти не может не думать об этом. Его гораздо больше устроило бы, чтобы тайком от Сталина, и от фюрера конечно же территория Венгрии была занята англо-американскими войсками, а немецкие части, находящиеся на ней, были принуждены к капитуляции. Если бы на престол Венгрии взошел некто из королевского рода, признанный Англией и Америкой, – Вальтер бросил многозначительный взгляд на Маренн, – это гарантировало бы Венгрии спокойный выход из войны. При этом монархе было бы сформировано временное правительство, пока из людей, верных Хорти. А дальше новые выборы в парламент с предоставлением ему широких полномочий, коалиция победивших сил и премьер-министр, который будет проводить политику. Как ты находишь все это? – Вальтер повернулся к собеседнице всем корпусом. – Если тебя смущает то, что сейчас ты числишься в СС, то я позволю тебе напомнить, что по мудрому предложению Мюллера мы не стали торопиться с твоим освобождением из лагеря, как ты того хотела, и теперь все это очень может пригодиться. А о твоей деятельности как главного хирурга СС никто не узнает, все документы будут уничтожены. Уж мы с Генрихом об этом позаботимся. Кто была фрау Ким Сэтерлэнд? Да и была ли она вообще? Если нет документов, остаются только слова. А слова – это слова. Не больше.

– Ты хочешь сделать меня королевой? – Маренн подошла к Вальтеру, и тот обнял ее, привлекая к себе. – Зачем? Неужели я когда-то в юности отказалась стать королевой Англии, чтобы теперь оказаться королевой Венгрии? Все это не укладывается у меня в голове.

– Я понимаю, – Вальтер поцеловал её в висок. – Но к Англии Габсбурги всегда имели лишь косвенное отношение – родственники, да и то дальние, седьмая вода на киселе. Венгрия же – это страна, заботиться о которой Габсбургов обязал сам Господь. Разве не так? Несмотря на все потрясения начала века, разве Он снимал с вас ответственность за эту страну и её народ? Нет. Перед Богом Габсбурги ответственны за Венгрию так же, как за Австрию. Они ещё не дали свой окончательный отчет, тем более в такие времена, как сейчас, когда решается судьба этой страны.

– Я так понимаю, что ты поддерживаешь планы адмирала Хорти, – Маренн отстранилась и внимательно посмотрела на Вальтера.

Тот кивнул, а женщина продолжала:

– В ущерб рейху? Меня никто не убедит, что фюрер может согласиться на такое. Во-первых, он терпеть не может Габсбургов и монархию как таковую. Во-вторых, Венгрия ему нужна для борьбы с Советами, её территория, её ресурсы, её дивизии. Она – ещё один бастион на пути большевистских орд к Германии. Фюрер скорее свергнет адмирала Хорти и поставит в Венгрии своего рейхсляйтора, чем позволит адмиралу вести интриги с Черчиллем. Получается, что фюреру пока ничего не известно о намерениях Хорти… и о твоих?

– Если Хорти все ещё на своем месте, то да, неизвестно, – согласился Шелленберг. – А как только станет известно, это будет означать конец не только правления адмирала Хорти, но и конец всем возможностям мирного выхода Венгрии из войны, а значит – более мягкого её окончания для самой Германии.

– Именно поэтому ты поддерживаешь Хорти?

– Я поддерживаю не Хорти, а его план перехода Венгрии под патронат англо-американцев. Война Германией проиграна, что очевидно, и надо дать себе в этом отчет, – Вальтер беспокойно прошелся по комнате, заложив руки за спину. – Весь вопрос состоит теперь в том, как нам удастся выскочить из этой нешуточной передряги, сохранив национальное государство и не превратившись напоследок в один из красных европейских штатов объединенного государства рабочих и крестьян, протянувшегося от Ла-Манша до Японского моря, о котором ещё в двадцатых годах писал большевистский вождь Ульянов-Ленин. План Хорти дает нам возможность избежать худшего, но при условии, что всё будет осуществлено крайне быстро и полностью секретно. Этот план может оказаться не только существенным ударом по планам фюрера – который, как известно, считает, что если немецкий народ не выполнил своей миссии, ему предназначенному, то не достоин жизни и должен быть уничтожен – но и по планам Сталина. Наличие контингента англо-американских войск в Венгрии и лояльное союзникам правительство там разрушает планы Сталина не только по послевоенному переустройству Европы, но и защитит Германию от вторжения красных армий с южных рубежей. Не зря Сталин так торопится на помощь Тито и борется за влияние на югославов с англичанами. Стalinу крайне важно закрепиться в этом регионе, а если ещё учесть, что союзники оккупируют Италию, значительная часть бывшей империи Габсбургов выйдет из-под большевистского удара. Останется побороться только за саму Австрию. Нельзя допустить, чтобы в ней установилась власть коммунистов. Стратегия Хорти, если она окажется удачной, значительно облегчит осуществление нашего плана по спасению Германии. Собственно, спасение нашей родины и есть конечная цель.

– А рейхсфюреру известно о планах адмирала Хорти? – осторожно спросила Маренн.

– Конечно, – Вальтер кивнул. – Я не стал бы так открыто разговаривать с тобой, если бы предварительно не имел с ним беседы. В Берлин прибыл посланец от Хорти, граф фон Эстерхази, и вчера ночью провел переговоры с рейхсфюрером. В целом наш шеф согласен. Как никто он понимает необходимость любых активных действий, которые облегчили бы положение рейха. Эстерхази известно, что эрцгерцогиня Мария-Элизабет фон Кобург-Заальфельд находится в настоящий момент на территории Германии, так как мы предоставили ему такие сведения. Завтра он хотел бы увидеться с тобой, приватно. На концерте Герберта фон Кааяна в Берлинерхалле. Граф страстный поклонник дирижера. Насколько я знаю, тебе он тоже очень нравится. Так что у вас обоих будет возможность совместить приятное с полезным.

– Да, фон Кааян прекрасен, – Маренн улыбнулась. – В его исполнении есть загадочность и непоколебимый германский дух, воля к победе. Когда-то я слушала его в Австрии, но тогда он был ещё юнцом, и ему с трудом удавалось получить площадку для выступления.

– С тех пор он преуспел, – ответил Шелленберг. – Вступил в партию, ему покровительствует Геринг, который просто без ума от того, как оркестр фон Кааяна исполняет «Полет валькирий» Вагнера. Это музыкальное воплощение того, как Геринг представляет себе сверхмиссию своих люфтваффе. Он все время приглашает маэстро играть на его домашних музыкальных вечерах. Однако вот незадача, – Вальтер усмехнулся, – фон Кааян не очень нравится фюреру.

– Неужели? – Маренн искренне удивилась. – Мне всегда казалось, что он олицетворяет собой как раз все то, о чем неустанно твердит доктор Геббельс по радио и в газетах. Манеры, тон, даже на репетиции он приходит в офицерских сапогах.

– Да, но дело в том, что Гитлер, который, как всем известно, обожает Вагнера и все оперы композитора знает наизусть, однажды присутствовал на исполнении фон Кааяном «Нюрнбергских мейстерзингеров». Певец спел не ту реплику, фюрер сразу же заметил это и указал на ошибку. Он терпеть не может халтуры. Ни в чем. Весь гнев обрушился на фон Кааяна. Фюрер решил и, возможно, не без оснований, что если певец ошибся, то виноват дирижер – плохо репетировали. Более того – он заметил, что фон Кааян дирижирует без нот. Видимо, так и репетировали, потому и спутали реплики. В тот же вечер фюрер позвал Геббельса и распорядился, чтобы тот выдал фон Кааяну предписание выступать только по партитуре. Дирижер теперь так и делает, ведь никуда не денешься, но демонстративно ставит партитуру на пульт вверх ногами. Во всяком случае, когда фюрер в следующий раз посетил исполнение «Тристана и Изольды» все прошло идеально. Теперь фон Кааяна приглашают даже играть на концертах, посвященных дню рождения фюрера. Геринг считает, что «Хорст Вессель» там получается лучше всех прочих.

– Не самое лучшее применение для таланта уровня фон Кааяна, – вздохнула Маренн. – За это некоторые корифеи, уехавшие из Германии в тридцатых, называют маэстро лакеем, но, скорее всего, это от зависти.

Вальтер кивнул:

– Насколько мне известно, фюрер вообще не жалует творческих людей и считает, что воображение мешает им адекватно воспринимать реальность.

– Что ж, если ты считаешь нужным, я встречусь с Эстерхази, – согласилась Маренн. – Послушаю с ним фон Кааяна, а потом послушаю все то, что от имени адмирала Хорти намеревается мне предложить граф. Но я очень сомневаюсь, что англичане и американцы согласятся на возвращение фон Габсбургов в Венгрию. Однажды представители Антанты уже отклонили такой вариант, в двадцатых годах, когда низложенный император Карл попытался вернуться на трон. Они не позволили Хорти уступить ему место.

– Это так, – подтвердил Шелленберг, – но времена изменились. Теперь не красный командир Бела Кун и не румыны – главные противники адмирала и его сторонников. С востока идет сила, которая не может не занимать политиков Англии и Америки. Теперь они окажутся куда более сговорчивыми, потому что не хотят увидеть всю Европу до Ла-Манша покрытой лагерьми, ничуть не менее жестокими, чем те, которые в глазах противников Германии стали символом фашизма. Теперь англичане и американцы узнали о большевиках побольше, поэтому, хотя и вынуждены сотрудничать с ними, отдают себе отчет, что сотрудничество временное. Особенно хорошо это понимает Черчиль, поэтому англичане согласятся на то, от чего отказались ранее. К тому же смотря о какой персоне из рода Габсбургов пойдет речь. Как ты правильно сказала, это имеет решающее значение. Одно дело свергнутый император, отказавшийся от престола под давлением народных масс, считай, битая карта, другое – правнучка императрицы Зизи, любимицы Венгрии, похожая на неё и внешне, и по всем душевным качествам. К тому же известный врач, ученый, пользующийся авторитетом как в Европе, так и в Америке. Это совсем другое дело!

– Но вряд ли союзники способны предпринять что-то серьезное в обход Сталина, – возразила Маренн. – Влияние его в связи с положением на фронтах огромно. Они не могут не считаться с этим.

– Конечно, им придется поставить Сталина в известность, это неизбежно, – согласился Вальтер. – Придется хотя бы для того, чтобы он остановил наступление своих армий. Но он узнает обо всем только после достижения основных договоренностей.

– Вряд ли большевики будут в восторге от восстановления правления Габсбургов в Венгрии. Они чувствуют себя оскорбленными, – заметила Маренн.

Вальтер невозмутимо ответил:

– Им будет предоставлена возможность свободно принять участие в выборах и сформировать правительство, если народ этого захочет. Правительство наряду с парламентом, собственно, и будет определять реальную политику. А вовсе не монарх, как было до революции. Монарх – только украшение, надстройка, объединительная фигура, можно сказать, общенациональное достояние. Конечно, все это будет для Сталина неожиданностью, но, насколько известно, он реалист, поэтому не будет гоняться за постами и идеями, препираясь по пустякам, когда есть возможность вполне законно влиять на положение в стране. С учетом побед Красной армии и воздействия сталинской пропагандистской машины можно не сомневаться, что большевики получат на выборах весьма солидный процент голосов. Никто препятствовать им не будет, ведь консервативно настроенных избирателей в Венгрии куда больше и при условии восстановления монархии они смело высажут свое мнение. Так что общий расклад сил сохранится в нашу пользу. Дальше все будет зависеть от предпринятых правительством мер. Однако кроме Сталина, армии которого на подходе, но все-таки сравнительно далеко, для Хорти существует опасность поближе.

– Венгерские нацисты? – догадалась Маренн.

– Да, партия Салаши «Скрещенные стрелы». Это главный резерв фюрера и таких ярых сторонников борьбы до последней капли крови, как, например, Кальтенбруннер. К тому же немалую роль играют и экономические соображения. Венгрия – главный источник нефти для рейха. С потерей Венгрии мы просто лишимся топлива для танков и авиации, а это означает полный крах, неминуемый и скорый. Поэтому за Хорти очень внимательно наблюдают. И мы, разведка СС, и Риббентроп по своим каналам, и даже доктор Геббельс. Если потребуется, фюрер вполне может отдать приказ об оккупации Венгрии, свержении Хорти и приведении к власти Салаши с его головорезами. Те уж точно никуда рыпаться не станут. Правда, нет гарантии, что за ними пойдет венгерская армия, которая пронизана монархическими настроениями, особенно высшее командное звено. Но и ими можно пожертвовать, в конце концов венгров заменят немцами. А кому совершить такой переворот, Кальтенбруннер найдёт. Есть специалисты. Да и у фюрера есть на примете кандидат, – Шелленберг криво усмехнулся.

– Отто Скорцени? – Маренн сразу поняла, кого Вальтер имеет в виду.

– Да, насколько мне известно, за моей спиной он по личному распоряжению Кальтенбруннера готовит варианты операции. Фюрер в курсе и поддерживает их деятельность. У нас ведь теперь, как получается, два начальника управления: один подчиняется рейхсфюреру, а второй – фюреру через Кальтенбруннера, и работать вместе становится все труднее.

– Генрих тоже с ними?

– Мюллер? Он как всегда и вашим, и нашим. Гестапо – оно везде, всем нужно, все хотят заручиться его поддержкой. еще бы – такая мощная машина подавления! Но все-таки, как я полагаю, Генрих ближе к нам. Он сам из Баварии, там живут его первая жена и дети. Ему совсем не хочется, чтобы большевики всех их потащили в лагерь как семью обергруппенфюрера СС. Его бы устроило, если бы в Баварию через Италию, Венгрию или Австрию пришли американцы, а он уж сумеет выторговать у них гарантии для своих близких, а сам исчезнуть в послевоенном мире, что для шефа гестапо совсем не сложно. Во всяком случае, умирать на

баррикадах он не собирается и своих сыновей не пошлет. Не хотел бы посыпать, ведь они ещё подростки, но фюрер уже распорядился, что при приближении противника в ополчение будут забирать с тринадцати лет. Так что у меня есть все основания думать, что Мюллер на нашей стороне. А это немало.

– Да, это немало, – согласилась Маренн. – Но как ты представляешь себе все это, – с той минуты, как речь зашла о Скорцени, женщина стояла в задумчивости, а теперь подняла голову, внимательно взглянув на Вальтера. – Если фюрер пошлет в Венгрию Скорцени с его зондеркомандой, чтобы свергнуть Хорти и привести к власти Салаша, то мне, чтобы отстоять Хорти, придется столкнуться с ним?

– Я понимаю твои чувства, – Вальтер взял руку Маренн и с нежностью пожал. – Если дойдет до такого сценария, тебе уже ничего не придется делать. Я просто этого не позволю. О твоем участии никто даже не узнает. Тогда вся ответственность ляжет на меня, и мне придется постараться, чтобы выйти сухим из всей этой истории. Это было бы худшим развитием событий и означало бы, что всем нам придется пережить еще одну кровопролитную баталию. Тогда еще одна европейская страна, скорее всего, окажется под властью большевиков, а наши возможности облегчить судьбу Германии резко сократятся. Но пока не будем так думать. Пока сделаем все, что от нас зависит, чтобы опередить Кальтенбруннера – постараемся помочь адмиралу договориться с Черчиллем и добиться согласия Советов на перемирие. Ты готова?

– Стать гарантом мира для венгерского народа? – голос Маренн дрогнул, она развеллась. – Меньше всего в своей жизни я ожидала, что мне придется надеть королевскую мантию. Но ты верно сказал, что у всех Габсбургов, где бы они ни родились и как бы ни сложилась их судьба, есть обязательства, которых не отменит ни одно земное правительство, ни одна революция. Я знаю немало примеров, когда монархи оказывались в тюрьмах или были казнены, но всё равно готова исполнить свой долг. Это самые высшие обязательства перед Господом, и отказаться от них не посмел бы никто из моих предков. Если венгры примут меня, я готова на любые испытания, лишь бы война не коснулась их земли. Когда-то венгры частенько обижались на Габсбургов за притеснения, и, может быть, сейчас именно мне выпало возместить ущерб. Да, я готова. Хотя совершенно не представляю себя в роли венгерской королевы, – женщина сомнением покачала головой.

– У тебя получится, – Вальтер ободряюще улыбнулся. – Вот только незадача, как мне теперь отдавать распоряжения твой дочери, которая по-прежнему останется работать у меня, – пошутил он. – Даже неловко продолжать обращаться к ней «фрайляйн Джилл». Ведь если ты почти королева, то она почти наследница трона. Что же мне делать?

Маренн тихо засмеялась, но тут же добавила грустно:

– Ты вспомнил о моей дочери, а я вспомнила о сыне. К сожалению, главный наследник трона мертв, и я даже не знаю, лежит ли он в земле или его тело склевали вороны.

Голос женщины дрогнул, и, чтобы успокоить любимую, готовую заплакать, Вальтер обнял её, поцеловал в волосы.

* * *

Когда Маренн подъехала к своему дому в Грюневальде, то сразу увидела машину Скорцени за оградой. «Что-то рано, – мелькнула мысль. – У Гретель Браун, наверное, заболела голова, или её муж решил провести вечер в семейном кругу с фюрером». Достав ключи, Маренн вышла из машины, открыла ворота, которые распахнулись почти бесшумно, затем вернулась за руль, въехала во двор и так же почти бесшумно закрыла ворота за собой.

Со двора было видно, что в гостиной на первом этаже горел свет, окна Джилл на втором оставались темными – значит, дочь все еще была в Управлении.

— Айстофель, выходи! — Маренн распахнула дверцу автомобиля, и овчарка послушно выпрыгнула на чистый, поблескивающий снег, встряхнулась. — Пошли.

Женщина направилась к дому. Собака опередила её и, взбежав на крыльцо, уселась перед дверью, поскуливая.

— Иду, иду, я уже слышу тебя, — донёсся изнутри дома голос Агнесс. — Добрый вечер, фрау.

Горничная открыла дверь, и Айстофель, лизнув её руку, тут же скрылся в коридоре.

— Побежал на кухню, — улыбнулась Агнесс. — Чувствует, что я как раз подготовила его любимые отбивные.

— Отто давно приехал? — спросила Маренн.

Она сняла шинель, отдала её Агнесс, поправила волосы перед зеркалом.

— Уже около часа здесь, — сообщила горничная. — Я предлагала ужин, отказался, сказал, подождёт вас.

— А фройляйн Джилл?

— Фройляйн звонила четверть часа назад. Она задерживается на службе. Приедет поздно.

Просила не беспокоиться. Оберштурмбаннфюрер фон Фелькерзам привезет её домой.

— Ну, если она под присмотром Ральфа, я абсолютно спокойна, — кивнула Маренн.

— Прикажете подавать ужин?

— Да, пожалуй.

Агнесс поспешно ушла в кухню. Было слышно, как она отгоняет Айстофеля от стола.

— Убери лапы, я сколько раз говорила! Лапы на стол нельзя! Отойди отсюда!

Маренн вошла в гостиную. Отто Скорцени сидел в кресле перед зажженым камином, вытянув ноги в ярко начищенных сапогах поближе к огню. Рядом на низком столике с прозрачной стеклянной столешницей лежала папка с вырезками из газет и документами. В хрустальной пепельнице дымилась недокуренная сигарета. В богемском фужере зеленого стекла с золотой резьбой поблескивали остатки коньяка. Гость просматривал бумаги, перелистывая их, а когда вошла хозяйка дома, даже не повернулся.

— Совещание у Кальтенбруннера закончилось так рано? Или вообще не состоялось? — спросила Маренн, прислонившись спиной к дверному косяку. Она расстегнула пуговицы мундира и, наклонив голову, выдернула деревянную спицу, скреплявшую волосы, которые тут же рассыпались по плечам густыми каштановыми волнами.

— Его вызвали к Борману, — Отто наконец обернулся. — Оставшиеся вопросы перенесли на завтра на утро. А вы с де Кринисом, я вижу, тоже решили сегодня особенно не перетруждаться. Во всяком случае, управились до полуночи, что бывает нечасто. Кстати, я звонил в клинику, тебя там не было.

«Ах, вот в чем причина всех колкостей, — насмешливо подумала Маренн. — Позвонить он все-таки не забыл».

— Я была в Гедесберге, у Вальтера, — ответила она, проходя в комнату. — Меня тоже иногда вызывает начальство.

— Конечно, как без этого? — съязвил Скорцени. — Шелленберг лучше всех разбирается в полевой хирургии.

— Он вызывал меня совсем по другим вопросам, — она сделала вид, что не заметила его тона.

— Я догадываюсь, — Отто криво усмехнулся, взял сигарету из пепельницы и затянулся, глядя на огонь. — Догадаться нетрудно.

— А завтра мы идем на концерт фон Кааяна, — сообщила Маренн, чтобы повернуть разговор в другое русло. Оправдываться она не собиралась, поэтому с гордым и независимым видом села в кресло напротив гостя, положила ногу на ногу, и вытянула сигарету из пачки, лежавшей на столике. Скорцени наклонился вперёд, чтобы дать dame прикурить:

– Кто это «мы»?

Щелкнула зажигалка. Маренн заметила, как взгляд гостя скользнул по её коленям, обтянутым чулками.

– Так кто собирается на концерт? Ты и наш общий шеф Управления? – продолжал спрашивать Отто подчеркнуто равнодушно.

– Пока что только я и Джилл, – мягко ответила Маренн. – Хотя Джилл ещё не знает об этом, но Вальтер обещал отпустить ее. Я думаю, Джилл будет рада. А ещё де Кринис со своей Фредерикой. Может быть, присоединится Ральф.

– Меня вы не приглашаете?

«Этого не хотелось бы», – подумала Маренн. Но промолчала.

– Впрочем, все равно завтра после обеда я еду во Фриденталь, и отменить это невозможно, – добавил Скорцени и снова откинулся на спинку кресла.

Теперь уже усмехнулась его собеседница:

– Я не сомневалась, что у тебя найдется, чем заняться.

Минуту оба молчали. Затем послышалось, как по паркету простучали каблуки. Это вошла Агнесс, принесшая поднос с посудой.

Маренн обернулась к горничной:

– Все поставьте и можете идти домой. Я справлюсь сама. Уже поздно, а вам надо торопиться к маме. Как она себя чувствует?

– О, ей намного лучше, фрау, – горничная сделала реверанс, – микстура, которую вы прописали, помогает. Она уже почти не кашляет.

– Пусть принимает ещё дней пять, – сказала Маренн, подходя к столу. – Если лекарство закончится, скажите мне, я выпишу еще.

– Большое спасибо, фрау, – горничная смущилась. – Вы так добры.

– Идите, идите, – отпустила её Маренн.

– Сейчас принесу горячее...

– Хорошо.

Агнесс поспешно вернулась на кухню, а Маренн подошла к столу, чтобы расставить тарелки.

– Ты предполагаешь, мы будем есть горячее? – Отто встал, приблизился к хозяйке дома и положил ей руки на талию.

– Ты не голоден? – Маренн не повернулась и,казалось, сосредоточила всё своё внимание на белом баварском фарфоре с элегантным зеленым рисунком.

Ответа на её вопрос так и не последовало, поэтому она добавила:

– Это даже странно, что ты не хочешь есть. Жаль, нет Науйокса. Он бы ни за что не отказался.

– Пойдем в спальню, – Скорцени прижал её к себе.

– Мне вот вчера Джилл рассказала интересную историю, – Маренн мягко отстранилась. – Её подруга Зилке вместе со своим женихом-летчиком были на приеме у Шахта. И там Зилке видела тебя. Она, конечно, расписывала моей Джилл, как все женщины просто осаждали тебя своим вниманием. Видимо, Зилке этим рассказом хотела сделать Джилл приятное, – Маренн обошла стол и взяла приборы, завернутые в салфетку. – Так вот она сообщила Джилл под большим секретом, что ты буквально у неё на глазах соблазнил племянницу Шахта – вы оба отсутствовали около получаса, а затем та появилась чрезвычайно возбужденная.

В комнату вернулась Агнесс, осторожно неся блюдо:

– Фрау, запеченная говядина с картофелем и зеленью, – произнесла горничная, за которой, облизываясь, бежал Айстофель.

Указав взглядом на собаку, Агнесс добавила:

– Уже наелся всякой всячины, так что не балуйте его.

– Поставьте, спасибо, – с улыбкой кивнула Маренн. – Думаю, что наш друг ещё не исчерпал свои возможности, так что обязательно выклянчит кусочек.

– Ну, как знаете, фрау, – Агнесс пожала плечами. – Как бы не объелся. Всего хорошего, фрау, – сняв передник, она отошла к дверям и присела в реверансе. – Всего хорошего, господин.

– До свидания, Агнесс. Завтра приходите в обычное время, – ответила Маренн. – Передавайте привет вашей маме.

– Спасибо, фрау.

Горничная вышла, а Маренн попросила Скорцени:

– Достань из бара вино и фужеры. И садись. Я за тобой поухаживаю. Так что насчет Зилке?

– Насчет Зилке? Я такой не знаю, – гость взял из бара бутылку красного вина и два хрустальных фужера, после чего вернулся к столу.

– А насчет племянницы Шахта?

– Мне кажется, твоя Зилке все выдумывает, – Отто начал разливать вино, не глядя на Маренн.

– Не моя Зилке.

– Хорошо, ваша с Джилл Зилке. Мне надо будет познакомиться с ней поближе, попросить, чтоб не болтала ерунды. Она где работает? Тоже у Шелленберга? Никогда не видел. Хотя, может быть, и видел, но не знал, что это Зилке. Хорошенькая?

– Не уходи от ответа.

Маренн поставила перед гостем тарелку с едой:

– Приятного аппетита. Ты был у Шахта?

– Был.

– Значит, все, что говорит Зилке, правда.

– С каких пор ты стала слушать все, что говорит Зилке и ей подобные? – Отто поморщился. – Это сплетни.

– Я слушаю не Зилке, – поправила Маренн. – Я слушаю то, что говорит моя дочь, а Джилл не будет расстраивать меня, если это не заслуживает внимания. Она обо мне заботится. Раз она сказала мне, значит, рассказ Зилке показался ей правдоподобным. Тебе не кажется, что похождений с фрау Гретой Браун достаточно, и племянница Шахта – это уже слишком. Джилл сказала, что Шахт был в ярости. В его доме, с его ближайшей родственницей, чуть не в его собственной спальне! Он назвал это эсэсовской наглостью, которая переходит все рамки приличий. И пообещал, что при известных обстоятельствах заставит тебя на ней жениться. Дойдет до рейхсфюрера или, если будет нужно, до самого фюрера. Насколько я знаю Шахта, слова у него не расходятся с делом. Это серьезно.

– Я не боюсь, до кого бы он ни дошёл, – Отто презрительно пожал плечами. – Мне это все равно. У меня хватит собственных сил, чтобы справиться. Но странно, что ты пеняешь мне за мелкую интрижку, когда сама только что приехала из Гедесберга.

– Я не устраиваю сексуальных представлений на глазах у половины столицы.

– Ты даже не пытаешься отрицать свою связь с Шелленбергом!

Резко наклонившись вперед, гость схватил Маренн за руку и притянул к себе; бокал с вином, стоявший рядом с хозяйкой дома, опрокинулся; вино растеклось по скатерти.

– Пусти. Мне больно, – Маренн выдернула руку, снова села на стул, а Отто вышел из-за стола, прошагал к камину, оперся на полку и начал смотреть на огонь. Затем взял сигарету из пачки, всё так же лежавшей на стеклянном столике, и, чиркнув зажигалкой, закурил.

Маренн молча смотрела перед собой на бордовое пятно. Опять как всегда. Ей уже было невыносимо спрашивать, а ему также невыносимо отвечать. И зачем только начался этот разговор? Маренн и так понимала, что с племянницей Шахта, которую она сама никогда не встре-

чала, а Отто встретил в первый раз, и, скорее всего, в последний, у него нет ничего серьезного. Зачем лишний раз натягивать струну, которая и так вот-вот порвется? Известно же, что на все упреки Маренн у него есть ответ, и спорить с ним бессмысленно. Все зашло слишком далеко. Стало слишком сложно. Не нужно было и начинать.

– Я иду спать, уже поздно, – хозяйка дома встала из-за стола.

– А кто же съест говядину? – усмехнулся Отто, по-прежнему глядя на огонь. – Агнесс зря старалась?

– Не знаю, наверное, съест Айстофель. Или Джилл с Ральфом, когда приедут. Разогреют.

– Они всегда голодные, – съязвил Скорцени. – Особенно твоя дочка. Но на всякий случай я бы позвонил Науйоксу. Похоже, его помочь может понадобиться. Пусть заедет утром, чтобы Ирме не пришлось трудиться над завтраком.

– Позвони, – согласилась Маренн. – Кто действительно никогда не расстроит Агнесс, так это Науйокс. У него аппетит зверский.

– Голодное детство. Нам его не понять.

– Конечно.

* * *

В зале Берлинерхалле только что закончилось первое отделение концерта, на котором исполняли отрывки из вагнеровского «Лоэнгрена», переложенного для оркестра, но Маренн не было среди публики, хлынувшей в фойе и оживлённо обсуждавшей выступление Карапяна. Заблаговременно покинув зал, Маренн уже находилась в номере люкс небольшого отеля «Кронпринц», расположенного как раз напротив сверкающего вечерними огнями Берлинерхалле. Пройдясь по номеру, она остановилась у портрета австрийской императрицы Зизи.

На этом портрете, занимавшем всю стену напротив окна, художник изобразил Зизи во весь рост. Казалось, императрица, стоявшая в парке Шенбрунского дворца, только сейчас заметила зрителя и повернулась к нему вполоборота. Длинные распущенные волосы выглядели так, как будто их шевелит лёгкий ветерок, но полностью перенестись воображением в парк у Маренн не получалось. На картине был ранний вечер, а сейчас была почти ночь, и в номере царил полумрак, так что отблески огней, освещавших Берлинерхалле, скользили по каштановым кудрям Зизи, украшенным бриллиантовыми звёздами, по белому платью, по красивым обнаженным плечам и по белому вееру, который императрица держала в руках.

– Это копия портрета, написанного Францем Винтерхальтером по заказу императора Франца Иосифа, – произнёс граф фон Эстерхази из-за плеча Маренн. Та не услышала, как он подошёл, потому что Эстерхази ступал по мягкому ворсистому ковру, заглушавшему звук шагов. – Оригинал находится в Хоффбурге, в Вене, а раньше украшал рабочий кабинет императора.

– Я знаю, – кивнула Маренн. – Хотя в Хоффбурге при императоре я была только один раз, когда меня совсем маленькой девочкой привозили с ним знакомиться. Но когда уже стала взрослой, после падения Габсбургов и моего возвращения из Америки, когда я работала с Фрейдом, я частенько посещала Хоффбург и Шенбрунн. Мне нравилось смотреть на изображения моей прабабушки, на обстановку, в которой она жила, и прикасаться к вещам, которыми она пользовалась.

– Многие в Вене уверены, что в вашем лице Зизи вернулась к нам, ваше высочество, – мягко заметил граф. – Ведь она покинула грешный мир до срока, насищенно. Её жестоко убили заточкой. Душа её не успокоилась, потому что не выполнила до конца своего предназначения. А вы удивительным образом похожи на прабабушку внешне.

– Да, как ни странно я пошла в баварскую породу. И ничего не взяла ни от французов де Монморанси, ни тем более от своих бельгийских родственников по линии принцессы Сте-

фании. Это кстати, слава богу, – Маренн улыбнулась. – Мне даже повезло, наверное. У моей бабушки, если верить хотя бы её собственным мемуарам, был очень скверный нрав. Вот характер у меня скорее в французов, полегче, чем у баварцев Виттельсбахов.

Собеседники немного помолчали, а затем Эстерхази, увидев, что его гостья с интересом оглядывает обстановку номера, признался:

– Я постоянно держу этот номер для себя и всегда останавливаюсь здесь, когда приезжаю в Берлин. По моему желанию хозяин все сделал здесь так, чтобы интерьер напоминал мне об Австрии, той Австрии, которую я люблю. Не нынешней.

– Это чувствуется, – согласилась Маренн. – Как будто ненашоком оказываешься в Вене. Мне сказали, вы имеете отношение к Морису Эстерхази, который был министром при моем прадеде.

– Да, я его правнук по прямой линии, ваше высочество, – поклонился граф. – Я счастлив, что мне выпала возможность увидеться с вами. Вальтер сказал мне, что здесь я могу говорить прямо, без обиняков, – Эстерхази отошел к окну и взглянул на улицу.

«Видимо, Мюллер отключил прослушку. Вальтер договорился с ним. Иначе представить себе невозможно», – мелькнула мысль у Маренны.

– И я не стану кривить душой, – продолжал граф. – Мы, бывшие австро-венгерские аристократы, не любим Гитлера. Более того – относимся к нему с презрением. Мы считаем его плебеем. Из-за него в нашей древней стране, славной своей культурой, у власти оказались те, кто прежде чистил попоны на конюшнях Габсбургов и выносил отходы за их лошадьми. Они перенесли свои плебейские представления о жизни на все сферы австрийской жизни, сделали свои привычки главными. В Венгрии нам удалось этого избежать в первую очередь благодаря регенту, адмиралу Хорти, являющемуся истинным аристократом…

Взглянув на собеседницу, Эстерхази усмехнулся:

– Мне не хотелось бы, чтобы вы подумали, ваше высочество, что я сторонник ортодоксальной монархии, и мои убеждения отдают крепким запахом нафталина. Ни в коем случае! Я вполне сторонник взглядов вашего деда кронпринца Рудольфа, что народ, все его слои, вплоть до самых низших и необразованных, должен иметь свое представительство во власти. И ради этого еще в девятнадцатом веке нашим государем Францем Иосифом было принято решение о созыве парламента.

– Признаться честно, его подтолкнул к этому Гарибальди и потеря Италии, – заметила Маренн.

– Это верно, – согласился граф. – Это был горький опыт. Но мы выучили печальные уроки. Сегодня среди аристократических фамилий нашей страны вряд ли найдется хоть одно семейство, которое сомневалось бы в необходимости свободных выборов и формировании правительства, представлявшего интересы всего общества. Тем не менее, поскольку противоречия еще велики, необходима консолидирующая фигура, монарх, признанный всеми слоями и гарантирующий стабильность и соблюдение законов. Это насущная необходимость. Пока что адмирал Хорти благополучно справлялся с этой задачей, но положение требует того, чтобы он уступил свое место регента истинному монарху. В первую очередь потому, что адмирал хочет вывести Венгрию из войны и не допустить кровопролития на её территории, но с ним, как с фигурой, имевшей пусть и формальные, но все-таки скрепленные его подписью союзнические контакты с Гитлером, вряд ли станут вести переговоры представители Англии и Америки. Точнее, они станут, узнав, что он сразу по достижении договоренности покинет свой пост.

– Пожалуйста, присаживайтесь, граф, – придерживая подол длинного черного платья с изумрудной брошью на груди, Маренн опустилась в кресло рядом с портретом Зизи.

– Благодарю, ваше высочество.

Граф сел в кресло напротив.

– Адмирал немало сделал для Венгрии, надо отдать ему должное, – продолжил он через мгновение. – Вы знаете, Венгрия практически была разорена Первой мировой войной. Она лишилась территории, более половины индустриального потенциала, чуть не половина населения погибла на фронтах и умерла от болезней. И в таких жесточайших условиях мы были вынуждены платить странам Антанты в течение десяти лет аж до 1934 года почти две тысячи миллионов крон репараций золотом. Мы лишились всех наших ископаемых и лесов. Экономический кризис, разразившийся после войны в Европе, в прямом смысле едва не уничтожил нас. Красные дьяволы, прорвавшиеся к власти, буквально губили страну. Им активно помогали из Москвы. После распада австрийской монархии у Венгрии не было своих денег, и Советы грубо подделывали австрийские банкноты простым фотомеханическим способом, наводняя ими страну. Они дошли до такой наглости, что стали печатать купюры не на особой синей, как положено, а чуть не на простой белой бумаге. Крестьяне отказывались принимать такие деньги, был установлен специальный курс синих и белых денег. В конце концов эта сумасшедшая политика и погубила красных. Инфляция зашкаливала, они ей захлебнулись. Приняв бразды правления, регент практически поднял страну из руин. Он и премьер-министр граф Бетелен, глава аристократической партии, путем невероятных политических усилий смогли добиться консенсуса в обществе и успокоить экономику. Был создан своеобразный союз низших и высших социальных слоев на основе общего национального мироощущения при патерналистском доминировании аристократии. Адмиралу даже удалось договориться с социал-демократами, и волна рабочих выступлений спала. Была введена цензовая демократия, вроде как при Габсбургах, которая скорее не продуцировала, а утверждала решения правительства. Благодаря стабилизации, достигнутой с большим трудом, удалось договориться о кредитах и отсрочках по репарациям. Да, адмирала многие упрекают, что его внешняя политика в отличие от внутренней однобока. Он не хотел и не хочет налаживать никаких отношений с Москвой, он терпеть не может большевиков и сторонится Советов, считая СССР прибежищем красного дьявола, однако такая позиция не лишена оснований, как вы согласитесь. Даже теперь, когда армии Сталина практически стоят на пороге нашего дома, адмирал не хочет обращаться к нему напрямую, а только через посредничество западных держав. Для него это дело принципа. «Не имей дело с дьяволом. Это всегда плохо кончается. С ним опасно договариваться», – так учила меня няня в нашем поместье Айзенштадт, когда я был маленьким. Адмирал Хорти получил точно такое же воспитание. И теперь оказался его заложником. При поддержке Муссолини он наладил отношения с фюрером еще до развязывания Второй мировой войны и добился возвращения стране аннексированных после Первой мировой территорий. В частности, нам вернули ресурсы, нефтяные скважины, что способствовало экономическому подъему. Но когда в оплату за эти самые бенефиции фюрер потребовал участия Венгрии в войне с СССР, адмирал вначале рассчитывал отделаться двумя-тремя дивизиями в тылу. Гитлер требовал большего. Адмирал отказывался под предлогом, что венгерская армия малочисленна, плохо оснащена. Мы вообще надеялись отделаться разрывом дипломатических отношений с СССР и пропуском румынской нефти через свою территорию. Нам казалось, этого достаточно. Неограниченный союз с рейхом был бы губителен для Венгрии, это было очевидно. Такой маленькой стране попасть в схватку двух гигантов, какими являются СССР и Германия, это все равно, что оказаться между молотом и наковальней, однозначно катастрофа. Однако позиция адмирала и политического руководства не совпадала с планами наших военных. Они преследовали собственные интересы, надеясь получить от рейха современное вооружение и дополнительную техническую помощь. Не один раз они выступали с меморандумом о необходимости вступления Венгрии в войну, но каждый раз он отвергался Советом министров и Коронным советом. Память о плачевых итогах нашего участия в Первой мировой войне способствовала этому. Мало кто из венгерских политиков был готов отправить свой народ на новую бойню. Фюрер в личных письмах к адмиралу требовал участия Венгрии в войне и сулил Южную Трансиль-

ванию с её нефтяными месторождениями. Но адмирал никогда не смотрел «этому выскочке» в рот. Он помнил о собственных интересах. Во всяком случае, адмирал выжидал, когда проясняться позиция Штатов и Англии, пойдут ли они на союз с Москвой. Ведь если рассорится с Германией, надо опереться на не менее сильного союзника. Хорти написал фюреру, что для Венгрии объявлять войну СССР это даже смешно, учитывая размеры двух стран. Немцы тоже понимали, почему выжидает Хорти, и опередили англо-саксов. Они провели провокацию, как теперь выясняется – это была чистой воды провокация немецкого Генерального штаба, поддержанная нашими военными.

Эстерхази говорил много и эмоционально:

– Сейчас мы знаем это совершенно точно. 26 июня 1941 года, когда война с СССР уже началась, самолеты с опознавательными знаками СССР бомбили железнодорожные узлы Рахов и Мункач. Бомбы были сброшены также на город Кошице, где в результате погибло довольно много людей. На осколках обнаружили клеймо Путиловского завода СССР. Все это, как теперь мы знаем, было подстроено абвером. Молотов немедленно прислал телеграмму, что СССР не имеет никакого отношения к происшествию, там же было изложено предложение Сталина поддержать претензии Венгрии на Южную Трансильванию в случае сохранения страной нейтралитета, но германские агенты в то время были у нас везде, в том числе и в МИДе. Подкупленные Риббентропом люди попросту не показали это сообщение из Москвы ни регенту, ни премьер-министру. Сразу активизировались профашистские партии, которые стали требовать немедленного вступления Венгрии в войну, а немецкий Генеральный штаб сразу же прислал ещё одно предложение присоединиться к их операциям на Востоке. Адмирал уступил, хотя до сих пор не снимает с себя ответственности за это. Правда, войну СССР официально объявлять не стали, ведь это действительно было бы смешно, а просто послали на Восточный фронт несколько дивизий без всякой помпы. Фюрер был доволен. Он писал адмиралу, что разделит с ним грядущий триумф, но этот триумф представлялся нам сомнительным, учитывая географические размеры СССР и его людские ресурсы. Да, за вступление в войну фюрер тут же предложил адмиралу ввести войска в Южную Трансильванию. Но это была ложка меда в бочке дегтя, если перефразировать известное выражение. Конечно, вступление в войну было вызвано также тем, что адмирал опасался, и не без оснований, что Гитлер очень легко снова отнимет у Венгрии земли, которые удалось возвратить по Венскому арбитражу после Первой мировой войны. Такая угроза была отнюдь не призрачной. К тому же участие в войне и заказы от германских заводов обещали хорошие деньги, новые вливания в экономику. Конечно, все трезвомыслящие политики в Будапеште отдавали себе отчет, что, скорее всего, это процветание временное, и заплатить за него придется большой кровью. Как только было объявлено о создании антигитлеровской коалиции, адмирал сказал мне в приватной беседе: «Мы должны опереться на англо-саксов и выйти из всего этого. Я боюсь Сталина, а Черчиллю я верю. С ним можно иметь дело. Он не станет лукавить за нашей спиной». Адмирал тут же полностью поменял прогерманское руководство Генерального штаба, а также МИДа, поставив надежных людей, поддерживающих его взгляды. Но все-таки немцы вынудили нас послать целую армию под Сталинград – девять дивизий и одну бригаду – и ради этого они снова не остановились перед тем, чтобы пролить венгерскую кровь. На этот раз они нанесли удар в самое сердце адмирала – убили его сына Иштвана. Это было последним предупреждением регенту. Он понял его, но не отступил. Сегодня со мной на концерт приехала вдова Иштвана, графиня Илона Дюлаи. Вы наверняка видели её в зале.

Маренн кивнула, подтверждая предположение графа, а тот продолжал рассказывать:

– Она тоже врач и работает в госпитале. Конечно, ей не сравниться с вами, – Эстерхази грустно улыбнулся. – Она прошла ускоренные курсы, когда решилась отправиться на фронт вслед за своим супругом. Это очень мужественная женщина. Несмотря на потерю, она продолжает исполнять свой долг, лечит раненых солдат и изо всех сил поддерживает адмирала в его

решимости выйти из коалиции с фюрером и возродить в Венгрии монархию. Илона делает это ради будущего страны и ради своего маленького сына Шарифа, который никогда уже не увидит отца. К вам она относится с восхищением. К сожалению, я не могу представить её вам открыто, так как наша встреча тайная. Илоне об этом известно, но она упросила адмирала позволить ей поехать со мной только для того, чтобы взглянуть на правнучку императрицы Зизи и при возможности сказать вам, как Венгрия предана Габсбургам и как сожалеет сейчас о событиях восемнадцатого года. Я думаю, такая возможность ей все-таки представится.

— Я с удовольствием познакомлюсь с графиней Илоной, — ответила Маренн. — Но есть ли уверенность, что катастрофа Иштвана была подстроена и что это не несчастный случай? То, что вы говорите о деятельности абвера, это очень серьезное обвинение.

— Мы сомневались до последнего времени. Все-таки он был на фронте. Мало ли, что может быть, — ответил Эстерхази. — И это был первый запрос, который адмирал попросил меня передать Вальтеру, когда наши контакты начались. Стоит ли упрекать безутешного отца, что он хотел знать правду. Правда оказалась горькой, — граф склонил голову. — Иштвана убрали, чтобы лишить адмирала преемника, ведь было объявлено, что Иштван примет власть после того, как адмирал уйдет в отставку, ведь он уже стар. К тому же все знали, что Иштван был англофилом и обладал демократическими убеждениями, а значит — при нём Венгрия обратила бы свой взор в сторону Англии. Немцы поняли, что Хорти хочет отдать власть сыну, так как тот более приемлемая фигура для англичан. Поняли, куда ветер дует. К тому же им казалось не лишним припугнуть адмирала, чтобы он не вздумал отзываться от Сталинграда войска, осознав, какая там началась мясорубка. Илона была в Киеве, в нашем госпитале, когда все случилось. В тот день Иштван на своем истребителе сопровождал самолет-разведчик. Его машина поднялась в воздух, они барражировали над аэродромом, когда самолет неожиданно резко пошел вниз, находясь на очень малой высоте. Самолет врезался в землю, взорвался. Примчавшись на аэродром, Илона увидела лишь обугленный труп. Она не поверила в версию о несчастном случае и утверждает, что всего лишь за два дня до гибели Иштван прилетал в Киев и говорил ей, что такой случай уже был с ним, самолет начал падать с высоты четырех километров. Но ему удалось выпрямить машину. Видимо, это была проба. Второй раз тот, кто все подстроил, не просчитался. Немцы провели свое расследование, и все свалили на машину. Мол, MAVAG Неja не очень надежный самолет, к тому же установили дополнительную броню, — все-таки Иштван был преемником регента, — и это нарушило баланс. Вспомнили и то, что налет у Иштвана был всего 345 часов, и при том все больше на итальянском Reggiano. Вот, мол, надо было использовать мессершмитт. Но все это были только отговорки. Причина была скрыта в другом. Илона нашла в кармане Иштвана полуслогревшее письмо и привезла его отцу. В нем Иштван писал о том, что надо отказаться от союза с Германией и сделать запрос англичанам на начало переговоров, а на роль основного переговорщика предлагал свою кандидатуру. Кроме того, один из товарищей Иштвана сказал Илоне, что накануне вылета на аэродроме видели немецких офицеров, которые не имели отношения к люфтваффе. Якобы они занимались подготовкой зимнего расквартирования летчиков, но, как теперь выяснил Вальтер, они завербовали одного из механиков, который, собственно, и «подготовил» машину к полету соответствующим образом, а сразу после покушения исчез. Видимо, его давно уже нет в живых. Из этого можно сделать однозначный вывод, что Илона все правильно поняла с самого начала. Да и адмирал не сомневался, против кого и против чего направлена эта чудовищная провокация, ведь немцы не первый раз пытались убить Иштвана — первое покушение они организовали на следующий же день после того, как отец объявил его преемником. Следует сказать, что гибель сына не сломила адмирала. Когда тело Иштвана перевезли в Будапешт и предали земле, адмирал стойко держался на похоронах, несмотря на свой возраст. Я разговаривал с адмиралом на следующий день. Он ничем не выдал своего отчаяния и лишь выразил твёрдое убеждение в том, что фюрер, если проиграет войну, то потянет Венгрию за собой, к полному краху, и

что Иштван был прав, когда настаивал на поиске контактов с англичанами. Адмирал показал мне обрывок письма своего сына. Я был глубоко тронут этим доверием и обещал, что сделаю все, что от меня зависит, чтобы воплотить наши планы в жизнь. Мы договорились, что я все возьму на себя, а адмирал останется в стороне, словно ему ничего не известно о моей деятельности. Это было разумно, ведь нельзя сразу действовать от первого лица, пока не установлены прочные контакты и не получен ответ от первых лиц противоположной стороны. Я должен был искать контакты через Швейцарию, Турцию, Швецию, через работающих там англо-американских дипломатов, журналистов, по линии католической церкви, однако все первоначальные ответы оказались отрицательными. Правда, они были получены от второстепенных лиц, но так всегда и бывает на начальном этапе переговоров. Личность самого Хорти стала камнем преткновения, и адмирал выразил готовность назначить своим преемником премьер-министра Калаи, как компромиссную фигуру переходного периода, чтобы его самого не упрекали в династических устремлениях. А вскоре грянул Сталинград. Итальянцы и румыны, принимавшие участие в сражении, были уничтожены полностью при советском наступлении. Мы попали в окружение, когда прикрывали отход частей вермахта, и в результате боев потеряли сто сорок тысяч человек – колоссальные потери, каких ещё не знала Венгрия! Когда удалось добиться от немцев эвакуации разбитой армии, домой вернулось не более тридцати тысяч. Остальные были убиты или погибли от голода, холода и болезней. Это произвело на регента, да и на всю страну угнетающее впечатление. Стало понятно, что медлить нельзя. Граф Бетелен действовал через бывшего посла Венгрии в Лондоне Барца и наладил контакт с послом Англии в Швейцарии, через которого удалось передать письмо лично Черчиллю, и это был первый крупный успех. В письме адмирал ясно изложил свою позицию, что, учитывая положение Венгрии под самым боком фюрера и возможность оккупации в любой момент, он не может открыто порвать со странами «оси», пока не заручится поддержкой союзников. В случае же достижения договоренности и высадки союзных войск на Балканах, он гарантирует, что никаких препятствий в продвижении союзных войск по Венгрии не будет, все венгерские ресурсы будут переданы в руки США и Великобритании, а сам он добровольно уйдет в отставку. Причем подчеркивалось, что эта отставка возможна на любых условиях, которые будут ему продиктованы, вплоть до самых невыгодных. Ради того, чтобы избежать германской оккупации, разорения земель и уничтожения своего народа, адмирал готов был пожертвовать своими интересами и интересами своей семьи. Также адмирал отметил, что не желает еврейских погромов и не выдаст рейху социалистов и беженцев.

– Это смелый шаг, – заметила Маренн. – Насколько мне известно, ни один из союзников фюрера никогда не вел себя так смело. Адмирал Хорти не зря служил флигель-адъютантом моего прадеда, – она улыбнулась. – Император Франц Иосиф умел замечать достойных людей и выдвигал их.

– О, и надо отметить, – Эстерхази заметно оживился, – что адмирал был первым венгром, занявшим столь высокую должность в Вене. Император отметил его за смелость и мужество, которые Хорти проявил, командуя самым быстроходным и современным в империи крейсером «Габсбург» во время средиземноморских сражений против итальянского и французского флота. Он тогда показал себя чрезвычайно одаренным командиром. Император пригласил его в Вену и предложил пост флигель-адъютанта. Вся Венгрия была очень горда этим, но, к сожалению, времена той славы прошли. Безвозвратно. Лишь характер адмирала не изменился.

Произнеся эти слова, граф вдруг заметно погрустнел и добавил:

– Сейчас над Венгией сгущаются тучи. Риббентроп через своих ищек прознал о наших контактах с англичанами и сразу же доложил фюреру. Тот пришел в ярость, но сначала постарался купить нас. Он предложил адмиралу совместную оккупацию Сербии. Хорти отказался. Тогда Риббентроп прислал в Будапешт своего соглядатая, некого бригаденфюрера СС фон Вейценмайера, который стал шпионить за каждым нашим шагом. Гитлер же, не дожидаясь его

докладов, прислал письмо, в котором настаивал на личной встрече с адмиралом. Даже словаики, – уж кто-кто! – и те по указке Берлина укусили нас, в своих газетах объявив венгров саботажниками, пытающимися уклониться от выполнения долга в общей войне.

Маренн слушала внимательно, а граф меж тем рисовал перед своей гостьей не слишком радужные картины:

– Адмирал долго не соглашался на встречу с Гитлером. Он понимал, что разговор будет тяжелым, и ссыпался на здоровье, но на самом деле мы дожидались ответа от Черчилля. В конце концов пришлось всё-таки ехать в замок Клейсхайм недалеко от Зальцбурга, где фюрер назначил встречу. Как ожидалось, встреча получилась очень эмоциональной. Риббентроп обвинял нас в закулисных интригах, фюрер требовал отставки премьер-министра и срочной депортации евреев в лагеря, а Хорти мужественно отвергал все претензии, касавшиеся неисполнения союзнического долга, и приводил весьма грустные цифры по потерям венгерской армии и убыткам, понесенным страной вместо обещанного триумфа. Кроме того, он требовал со своей стороны, чтобы все венгерские части, наконец, были возвращены домой, на что Гитлер категорически не соглашался. Адмирал же со своей стороны отказался заставлять евреев носить желтые знаки отличия на рукаве и выселять их из жилищ, согласившись лишь принять закон о том, чтобы евреев не допускали к руководящим должностям, а тех, которые такие должности уже занимают, понизили. Совсем ни на что не согласиться было невозможно, и решили откупиться малой кровью. Даже совместного коммюнике составить не удалось. Так и разъехались, хмурые и недовольные друг другом. Хорошо, что фюрер, добившись уступок по еврейскому вопросу, на некоторое время оставил нас в покое, но когда немецкие войска были разбиты под Курском, мы поняли – оккупация не за горами, а Германия отчаянно нуждается в промышленных и людских ресурсах. Скоро каждый венгр будет поставлен под ружье, чтобы умирать за интересы рейха, и если адмирал не согласится на это, немцы совершают государственный переворот. Ничто их не остановит. Вскоре последовали и подтверждения наших опасений. В день семидесятипятилетия адмирала фюрер прислал ему дорогой подарок – яхту с наилюбезнейшими поздравлениями и пожеланиями. Это само по себе говорило о том, что очень скоро его попросят уйти в отставку. Сначала попросят, а потом свергнут. Единственное, что удерживало фюрера и удерживает до сих пор, это необыкновенная популярность Хорти во всех слоях венгерского общества. Его открытое свержение может вызвать бунт, который немцам сейчас не нужен, так что они бы согласились оставить его как вывеску – мол, все делается с согласия адмирала – а сами руками своего премьера из партии Салаши делали бы все, что им нужно. Но адмирал не желает служить ширмой для уничтожения своего народа. Вы знаете, как высоко ценилось слово чести при дворе императора Франца Иосифа, и мы, старомодные мадьяры, ещё помним, что это такое. Лучше самому пустить себе пулю в лоб, чем оказаться обесченным сговором с преступниками. Понимая все обстоятельства и даже зная по собственным источникам, что план «Маргарита» по оккупации Венгрии уже полгода как готов в немецком Генеральном штабе и военные только ждут отмашки фюрера, Хорти тем не менее сохранял хладнокровие. Он поблагодарил Гитлера за подаренную яхту и в ответном письме снова попросил его вернуть венгерские войска на родину. Ответа не последовало, что было красноречивым свидетельством готовящегося захвата. Зато пришел другой ответ – тот, который мы давно ждали и уже отчаялись получить – от лорда Черчилля. Не им подписаный, конечно, но с его слов и по его указанию. В этом письме лорд в общем соглашался с предложениями Хорти, но отвергал кандидатуру Калаи как преемника адмирала, поскольку Калаи также был скомпрометирован сотрудничеством с рейхом. Отказывались англичане принять и кандидатуру любого из родственников регента, поэтому просили Хорти подобрать фигуру, которая бы их устроила, после чего переговоры можно было бы продолжить. Некоторое время мы пребывали в затруднении, но в это время как нельзя кстати через нашего посла в Лиссабоне поступило еще одно сообщение, важность которого невозможно переоценить. Оказалось, что внутри самой Герма-

нии есть люди, в том числе и в высших сферах, которые ничуть не меньше озабочены судьбой своей страны, чем мы волнуемся за судьбу Венгрии. Они тоже хотели бы для немцев скорейшего мира и выхода из войны, поэтому, чтобы убедить союзников в искренности своих намерений, готовы на первых порах помочь Венгрии. Якобы это была группа офицеров вермахта и люфтваффе, за которой как вскоре выяснилось, стояли люди, устроившие сегодня нашу с вами встречу. Именно они подсказали нам предложить лорду Черчиллю вас, ваше высочество, наследницу габсбургского рода, пользующегося популярностью в венгерском народе. Особенно учитывая то, что лорд Черчилль лично знаком с вами и, насколько мне известно, к вам расположжен. Ваше согласие спасло бы не только Венгрию. Оно бы дало возможность Австрии так же избежать советской оккупации и последующей большевизации, что, в свою очередь, облегчило бы судьбу Германии.

«Получается, фюрер знает?» – меж тем думала Маренн, которая не читала словацких газет, обвинявших Хорти в предательстве союзнических интересов, но верила Шелленбергу, ещё совсем недавно убеждавшему её, что Гитлеру вряд ли что-то известно о намерениях Хорти. Теперь же получалось – фюреру известно всё за исключением того факта, что адмиралом получен вполне определённый и обнадёживающий ответ от англичан. Положение было намного серьёзнее, чем казалось поначалу, но Маренн не сердилась на Шелленберга. Наверное, он не стал говорить ей всю правду, чтобы не пугать раньше времени. К тому же Маренн помнила и свои собственные слова о долге Габсбургов перед венгерским народом и о том, что ради исполнения этого долга можно пожертвовать собой.

Внешне она ничем не выдала своего волнения и продолжала внимательно слушать Эстерхази, который не скрывал ничего:

– Положение наше отчаянное, ваше высочество. Как я сказал, план оккупации готов, и фюреру надо только отдать приказ, который, несомненно, будет отдан очень скоро. Мы судим об этом по тому, как с каждым днем профашистские силы в стране ведут себя все активнее. Они уже чувствуют себя почти хозяевами положения и открыто нападают на Хорти в печати, чего раньше себе не позволяли. Переворот и арест адмирала будут означать не только угрозу его собственной жизни, но и фактический конец Венгрии, той старой, добкой Венгрии, которая долго была составной частью Австро-Венгерской империи. Столкновение немцев и большевиков на территории Венгрии приведет к её полному упадку, страна будет просто затоптана и залита кровью. Все это закончится большевизацией, возвращением из Москвы красных бандитов вроде Белы Куна. Это будет историческая катастрофа венгерского народа, конец его истории и культуры. Адмирал видит свой долг в том, чтобы не допустить подобного развития событий. Даже если ради исполнения этого долга ему придется отдать жизнь. И мы его сторонники поддерживаем его стремления. Каждый истинный мадьяр, тем более аристократ и военный, в такой тяжелый период для страны обязан сделать все возможное, отдать жизнь – это самая малость.

Последние слова графа как нельзя более соответствовали убеждениям самой Маренн, но она должна была думать не только о себе, но и о своей дочери, чья судьба зависела в том числе от воли фюрера, поэтому приходилось проявлять осторожность.

– Я понимаю, что ситуация серьезная, – женщина покачала головой, – но и адмирал должен отдавать себе отчет, что мое положение в Германии очень шаткое. Фактически я пленница. Да, я пользуюсь определенной свободой – например, могу посетить концерт и встретиться с вами – но эта свобода дана мне только потому, что я служу Германии как врач. Я вынуждена платить своим трудом за то, что нахожусь не в лагере, а по крайней мере в человеческих условиях. Вы понимаете, что моя судьба не в моих руках. Вот почему я смогу оказать поддержку Венгрии только в том случае, если Хорти найдет себе союзников, хотя бы тайных, не только среди высших, но и среди самых высших бонз Германии. То есть среди людей, максимально

приближенных к фюреру и имеющих влияние. Все эти люди известны, их немного. О том, чтобы фюрер поддержал планы адмирала, конечно, говорить не приходится.

– Те люди, которые устроили нашу встречу, уверили меня, что имеют одобрение с самого верха, – ответил Эстерхази. – Я со своей стороны могу обещать вашему высочеству, что в случае неблагоприятного развития ситуации ваше имя не будет упомянуто ни мной, ни регентом, и ни кем другим из посвящённых с его стороны, даже если мы окажемся в подвалах гестапо, которое, кстати, здесь недалеко на Принц-Альбрехт-штрассе. Мы будем молчать, как бы с нами ни обращались и какому бы давлению ни подвергали, пусть даже пыткам. Мы помним о том, что присягали на верность Габсбургам, и это самая главная клятва в жизни. Наш долг отдать жизнь за сюзерена. Так нас воспитывали.

– Ваши слова трогают меня, граф, – Маренн уже не на шутку раз волновалась. – Со своей стороны я только могу сказать, что как правнучка императора Франца Иосифа не имею никакого морального права заботиться о собственном благополучии, когда страна, более четырехсот лет доверявшая моим предкам корону и право решать свою судьбу, находится под угрозой порабощения. Я сделаю все, что от меня зависит, невзирая ни на какие трудности. Вы можете быть в этом совершенно уверены.

– Значит, я могу сказать регенту, что договоренность с представителем династии Габсбургов достигнута? – уточнил Эстерхази. – И он может упомянуть об этом в письме Черчиллю?

– Да, может, – кивнула Маренн. – Если регент считет необходимым, он может сообщить премьер-министру Англии. Не называя пока имен, конечно.

– Это само собой разумеется, ваше высочество, – живо откликнулся граф.

В это мгновение Маренн вспомнила о графине Илоне, приехавшей издалека только для того, чтобы увидеть её.

– После концерта я обязательно зайду к маэстро и поблагодарю его за чудесную музыку, – наследница Габсбургов взглянула на собеседника, и тот понял её с полуслова:

– Я передам это фрау Хорти. Благодарю вас, ваше высочество.

* * *

– Мама, где ты была?

Когда Маренн вернулась в зал, второе отделение концерта уже давно началось. Согласно программе теперь играли знаменитый «Полет валькирий» из тетralогии «Кольцо Нibelунгов». Эмми Зоннеман, супруга Геринга, приветливо улыбнулась опоздавшей слушательнице, когда та пробиралась мимо к своему месту. Джилл встретила появление матери взволнованным шепотом:

– Пока тебя не было, в перерыве приезжал Науйокс.

– Он приехал послушать Вагнера? – удивилась Маренн.

– Что ты, мама, – Джилл поморщилась. – Когда он слушал Вагнера? Или что-то ещё из классики. Разве только на официальных мероприятиях в присутствии фюрера, когда не слушать нельзя, а так ему куда приятнее поорать в пивной свои портовые песни. Нет, он что-то покрутился среди публики, а затем увидел меня. Не думаю, что ему хотелось со мной разговаривать, но и сделать вид, что он меня не заметил, тоже было неудобно. Он спросил, где тебя найти.

– И что ты ответила?

– Я ничего не ответила. Подошел Ральф. Он сказал, что Магда Геббельс пригласила тебя выпить кофе в Кайзерхофе в перерыве, она как раз там была. Так научил его Вальтер. Я бы не сообразила, конечно.

– И что Науйокс?

– Ничего. Ушел. Не будет же он слушать Вагнера, – Джилл пожала плечами, – но увидеть его так неожиданно второй раз на дню было не очень приятно.

– А когда ты видела его в первый раз?

– У нас дома, в столовой. Когда я встала утром и вышла на лестницу, он сидел за столом и уминал мясо, приготовленное накануне Агнесс. Увидев меня, что-то такое проговорил с набитым ртом вроде того, что у вас неплохо готовят, но меня это даже возмутило. У него нет собственного дома, где он мог бы позавтракать?

– А вы с Ральфом не ужинали, когда приехали?

– Нет, Ральф только привез меня. Сам он поехал к Вальтеру в Гедесберг, они ещё работали. А я сразу пошла спать.

– Отто был дома?

– Я его не видела. Был только Айстофель. Спал перед камином. А разве Отто…

– Фройляйн, я попросил бы потише, – послышался вежливый шепот де Криниса, сидевшего справа. – Вы мешаете слушать.

– Простите, профессор, – Джилл осеклась, покраснела и, чтобы скрыть смущение, прикрыла лицо краем зеленого шелкового шарфа.

– Потом поговорим, – прошептала ей мать.

Между тем оркестр продолжал исполнение «Полета валькирий». Маренн взглянула на графа Эстерхази. Он сидел впереди, через два ряда от нее, чуть наискосок, так что его профиль был ей хорошо виден. Густые черные волосы, на висках подернутые сединой, прямой с едва заметной горбинкой нос и гладковыбранные впалые щеки делали весь облик графа утончённо-аристократичным, а последний штрих к этому портрету добавляли награды, поблескивающие на парадном военно-морском мундире. Рядом с графом Эстерхази сидела женщина лет тридцати с темными волосами. Её волнистые локоны были аккуратно уложены в причёску, где гладкой была лишь чёлка, зачёсанная на правую сторону.

«Благородное лицо, бледность, которая обычно появляется у людей, много переживших. Значит, это и есть графиня Илона», – подумала Маренн. Сразу бросалось в глаза жемчужное ожерелье, украшавшее изящную шею графини, и безупречный крой чёрного платья, но Маренн, которая подобно Илоне недавно потеряла близкого человека на войне, прекрасно понимала – эта женщина оделась так не для себя и не для того, чтобы нравиться мужчинам. Несомненно, одеваясь на концерт, вдова Иштвана Хорти думала лишь о том, что, продолжая дело погибшего мужа, она должна выглядеть достойно.

Разговор с графом Эстерхази глубоко тронул сердце Маренна. Она никак не ожидала, что трагические события, нависающие над Венгрией, заставят её отказаться от своего решения, принятого в юности – не иметь ничего общего со своими венценосными родственниками и жить свободной жизнью обычного человека. Теперь Маренн готовилась стать королевой, но плохо представляла себя в роли монарха. Впрочем, у неё не было выбора. Ей следовало пойти на это ради возможности спасти сотни тысяч жизней бывших подданных её прадеда.

Маренн должна была рискнуть, но уже сейчас понимала, насколько риск велик. События развивались непредсказуемо. Появление Науйокса удивило и насторожило не только Джилл, но и саму Маренн, для которой не являлось тайной то, что Науйокс состоял в коалиции Кальтенброннера вместе с Отто.

Скорцени уже признавался Маренне, что отошёл от Шелленберга и практически примкнул к его противникам, а причиной стала она и её отношения с Шелленбергом. Отто утверждал, что дело только в этом, но Маренн понимала – есть и другие причины. Успех с освобождением Муссолини из плена и благосклонность фюрера способствовали тому, что Отто нацелился на то, чтобы занять пост главы Шестого управления РСХА. Скорцени интриговал ради этого, опираясь на Кальтенброннера, а также обхаживал Гретель Браун, чтобы чаще попа-

даться фюреру на глаза. Маренн считала подобные интриги отвратительными, но делала вид, что не понимает происходящего. Все равно она ничего не изменит, а Отто не скажет ей правду.

Что же касается Науйокса, то он присоединился к коалиции Кальтенбруннера совсем по другим причинам. Ему нечего было делить с Шелленбергом, и он не имел таких амбициозных карьерных устремлений, как Скорцени. Науйокс просто хотел сохранить то положение в СС, которое заслужил, как верная собака стремится сохранить своё право лежать возле ног хозяина, когда тот по вечерам дремлет в кресле возле камина.

Джилл правильно заметила, что Науйокс принадлежал к таким слоям общества, которых граф Эстерхази презрительно называл плебсом. Он был эсэсовцем первого призыва, ещё времён Рема, когда собирали ребят попроще, понаглее, а при слове «культура» прилюдно хватались за пистолет, чтобы вызвать симпатию малообразованных масс. Тогда не надо было вести внешнюю разведку, проводить переговоры с Черчиллем. Требовалось взять власть, а значит – победить на выборах, и в ход шли все методы без разбора.

Это теперь бывшие штурмовики сидели в первых рядах Берлинерхалле и слушали фон Кааяна, притворяясь, будто он им интересен, ведь стало неприлично не слушать. Лишь Науйокс притворяться не желал. Ему претило строить из себя интеллигента, из-за чего его поведение нередко вызывало нарекания, но Маренн симпатизировала этому человеку именно потому, что ценила неподдельную прямоту.

Алик остался таким, как с самого начала – простым парнем из порта в Киле. Неудивительно, что этот парень легко нашел общий язык с грубоватым Кальтенбруннером, хоть тот и получил образование в Венском университете. Впрочем, связи с Кальтенбруннером не сделали Алика врагом Шелленberга. В начальники Управления Науйокс не стремился и к тому же помнил, что именно Шелленберг прикрывал его от опасности, именуемой «рейхсфюрер Гиммлер».

Рейхсфюрер не любил Алика, служившего ему постоянным напоминанием о покушении на Гейдриха, которое рейхсфюрер практически санкционировал. Точнее, никакого прямого приказа не было. Просто Гиммлер, почувствовав в лице Гейдриха, своего ближайшего сподвижника и заместителя, угрозу, поделился этими соображениями с Нуайоксом и дал тому волю все устроить, как нужно в таких случаях. Покушение было успешным, но после этого видеть Алика рейхсфюреру стало неприятно, да и Алику рейхсфюрера – тоже, потому что Науйокс начал опасаться за свою жизнь. Гиммлер мог легко избавиться от ненужного свидетеля, но Шелленберг убедил рейхсфюрера, что такой опытный человек, как штандартенфюрер Науйокс, ещё пригодится, в чем не ошибся, конечно.

«Нет, против Вальтера Алик не пойдет и, даже получив сведения о моей встрече с Эстерхази, не станет докладывать Кальтенбруннеру правду, а как-нибудь выкрутится, – размышляла Маренн. – Алик ведь знает, что за всем стоит Вальтер, поэтому предпочтёт попридержать информацию и подождать, чтобы получить выгоду для себя».

* * *

На совещании голос Геббельса звучал буднично и как-то уныло:

– Генеральный штаб настаивает на окончательном и скорейшем решении венгерского вопроса. Фюрер склонен поддержать эту инициативу, так как правительство Хорти в последнее время решительно уклоняется от выполнения союзнических обязательств. В целях решения наших стратегических задач необходимо как можно скорее установить военный контроль над системой железнодорожного сообщения Венгрии, нельзя также сбрасывать со счетов и запасы промышленного сырья в стране, которые все ещё велики. Кроме того, фюрер выразил возмущение бездействием венгерского руководства в еврейском вопросе.

Геббельс бросил взгляд на Мюллера, сидевшего третьим справа от него, и Мюллер приготовился записывать, однако особенно записывать не пришлось, ведь все ограничились констатацией известных фактов. Правда, в этой части своей речи Геббельс был более эмоционален:

– Евреев в Венгрии около миллиона, они пользуются полной свободой, разгуливают по городам наравне с мадьярами, ходят в те же магазины, парикмахерские, а в это время мы бьемся над решением еврейской проблемы в Европе вот уже почти десять лет. Фюрер склонен расценивать такое отношение Хорти и его англофильской клики к нашим пожеланиям как откровенный саботаж. Венгрию надо взять под контроль, заставить нынешнее руководство подать в отставку, самого Хорти поместить под арест, а в стране создать новое правительство во главе хотя бы с Имреди. Основной камень преткновения – армия, – Геббельс помолчал, постукивая пальцами по столу. – Военные преданы Хорти, но если их разоружить, то можно решить проблему непокорной венгерской аристократии и будапештского еврейства, пригревшегося под крыльшком хортистов. Не зря наш фюрер называет Венгрию «островком европейского еврейства». Хочу, чтобы всем было понятно – фюрер намерен удерживать Венгрию в качестве союзника при любых обстоятельствах, пусть даже с применением силы. Принято решение в начале марта пригласить Хорти на переговоры в Вену, а за то время, пока он будет отсутствовать, реализовать план «Маргарита».

При упоминании о плане «Маргарита» Кейтель, также сидевший за столом для совещаний, кивнул.

– Насколько я понимаю, к этому все готово, – продолжал Геббельс, – с участием вермахта, частей СС, – он бросил взгляд на Кальтенбруннера, который нервно что-то записывал, – румынских и словацких войск…

– Не слишком ли много шума, – неожиданно спросил Мюллер, прервав всеобщее подобострастное молчание, а Кейтель с возмущением посмотрел на наглеца, решившего перебивать Геббельса и ставить под сомнение целесообразность плана, который уже одобрен.

– Насчет Хорти, – уточнил Мюллер и вполоборота взглянул на одну из секретарш Геббельса, хорошенькую Эльзу Аккерман, протоколировавшую совещание.

Чтобы спрятать смущённую улыбку, Эльза низко наклонила голову, и светлые волнистые волосы челки, не скрепленные шпилькой, упали вперед.

– Много шума вредно. Венгры ведь любят адмирала, – как ни в чем не бывало продолжил Мюллер, словно не замечая недовольства Кейтеля. – Надо изобрести что-то поделикатней, что ли. Хотя бы прикрыться тем, что это не мы все придумали, а сам Хорти решил. Что он на все это согласен. Для венгров.

– Это не вам решать, – вскинул Риббентроп. – Вы вообще занимайтесь своими делами и не лезьте в политику, обергруппенфюрер. Вам поручен еврейский вопрос, вот и думайте о евреях.

– Да, Генрих, думайте о евреях, – поддержал его Геббельс. – В Будапеште вам предстоит много поработать. Фюрер хочет, чтобы был подготовлен список не менее чем на пятьсот-шестьсот человек, которые однозначно подлежат немедленному аресту. Это политические деятели, депутаты парламента, журналисты, профсоюзные лидеры. Все, кто хоть однажды посмел усомниться в правильности курса на союз с Германией, а уж тем более – критиковал нас. Они все должны быть интернированы в лагерь. Премьер Калаи и граф Бетелен как главные инициаторы переговоров с англичанами – так же. Граф Эстерхази, этот приближенный Хорти и его давний друг еще по имперским временам – его тоже не забудьте. Эрнст? – Геббельс обратился к Кальтенбруннеру. – Фюрер надеется на вас.

– Я понял. Мы все сделаем, – произнося это, Кальтенбруннер весь подобрался, будто приготовился маршировать. Его лицо, длинное, как лошадиная морда, еще больше вытянулось, отчего шрам, пролегавший бороздой на левой щеке, разгладился и стал почти не виден.

— Хорошо, — Геббельс кивнул. — В том, чтобы сделать все руками самого Хорти, есть особая пикантность и резон, — он усмехнулся. — Это верно. Но неизвестно, согласится ли Хорти поставить подпись под заявлением о том, что согласен со всеми нашими действиями, даже если его на время арестовать в Вене и держать в изоляции от Калаи и сподвижников. Он крепкий орешек, как нам известно. Но будем смотреть по обстоятельствам. Если Хорти согласится, то останется на своем посту. Англичанам это будет лишний щелчок по носу, но в то же время никакого влияния этот человек больше иметь не будет. Только ширма, такая красивая кукла — стареющий адмирал его величества в парадном мундире с орденами. Вся власть будет передана наместнику. Он будет назначен вместо нашего посла, как только вторжение состоится. Этот человек на самом деле будет контролировать страну, а также присматривать за Хорти, чтобы старики не рыпался. С кандидатурой фюрер определится позже. Деюре венгерская государственность будет соблюдана, а на деле вся власть будет принадлежать нам. Это самый лучший вариант, но если Хорти не согласится, — Геббельс кисло улыбнулся, развел руками, — он же стар. Никто не удивится, если через пару месяцев адмирал тихо отойдет в лучший мир, чтобы не мешаться. Правители и без него найдутся.

После совещания смешливая Эльза, собирая бумаги на столе, шепнула Мюллеру:

— Ты хорошо смотрелся. Шеф разозлился. А Риббентроп, так чуть не выскочил из костюма. Они тебе не забудут.

Мюллер только поморщился.

— Плевать, — тихо произнёс он. — Пусть поищут кого-то еще, чтобы бегать за уголовниками, тем более, когда большевики уже стоят у порога. Все хотят на приемах выступать, в белых перчатках, откуда и к нейтрапалам сбежать поближе. А с уголовников какой прок? С ними только прямо в лапы Сталина. Так что мне бояться нечего. Тошнит от их пустых речей. Нет, чтобы по делу и коротко.

Вдруг оба оглянулись, потому что за их спинами раздался громкий голос доктора Геббельса, обращавшегося к Кальтенбруннеру:

— Эрнст, как ты намерен поступить с Хорти, если он будет упорствовать? У тебя есть план?

— Отто кое-что придумал, — ответил Эрнст с грубоватым смешком. — Можно надавить на старика при помощи его родственников. Там остался этот мальчишка, младший сын Миклош. Если его похитить и некоторое время подержать где-нибудь в Дахau поблизости от крематория, этот дряхлый адмирал явно станет говорчивее. Ведь один сын у него уже погиб. Он не захочет лишиться и второго.

— Поддержать у крематория? — Эльза чуть не уронила бумаги на стол. — Сына регента Венгрии? О чём это они?

— Не суй в это свой нос, девочка. Это небезопасно, — Мюллер легонько шлёпнул папкой, которую держал в руках, по обтянутой узкой юбкой попе секретарши. — Неси документы, куда положено, а я разберусь. Не сомневайся. И держи язык за зубами. Поняла?

Эльза молча кивнула.

* * *

Когда Маренн вошла в артистическую фон Кааяна, то Илона Хорти, как и ожидалось, уже была там. Графиня наклонила голову в приветствии и явно обрадовалась встрече, но ничего не сказала. Тогда Маренн вспомнила, что Илона считает её почти королевой, а ведь согласно придворному этикету начинать разговор должен именно монарх. Мало кому позволяет заговаривать с венценосной особой, не дожидаясь, пока та к нему обратится, поэтому пришлось следовать ритуалу, и Маренн произнесла первое, что пришло на ум:

– По-моему, сегодня концерт сложился весьма успешно, овации и просто дождь цветов с верхних ярусов. Не правда ли, фрау?

– Да, я совершенно согласна, – ответила Илона.

Фон Кааян, окружённый поклонниками, сидел за туалетным столиком, и, чтобы привлечь внимание дирижера, Маренн положила на столик букет из одиннадцати роз нежного кремового оттенка:

– Маэстро, прошу принять скромный букет и слова восхищения от меня и моей дочери.

Фон Кааян встал и, тряхнув роскошной шевелюрой, поцеловал новой гостье руку:

– Благодарю, фрау.

– Однако мне показалось, – продолжала Маренн, – сегодня оркестр играл увертюру чуть медленнее, чем, например, два года назад в Вене, или я ошибаюсь?

– Вы совершенно правильно заметили, – подтвердил дирижер с улыбкой. – Раньше я всегда убыстрял темп, ведь мне казалось, что Вагнер силен своим напором, магическим воздействием на публику. Я был уверен, что поступаю правильно, но мне говорили, что я нарушаю замысел автора. Теперь же я переменил мнение и говорю всем, что раньше я дирижировал, как пьяный, – фон Кааян рассмеялся. – Вагнер теперь для меня олицетворение торжества духа. Я чувствую в нем человеческое тепло, высокий посыл и божественный свет, если хотите. Я понимаю его совершенно по-иному. В быстром темпе всего этого не передашь, и я исправляю теперь старые грехи. Надеюсь, что я двигаюсь в правильном направлении.

– Это гораздо более зрелый подход, – согласилась Маренн. – Я обратила внимание, что вы работаете не только над музыкальным исполнением, но и над всем спектаклем, этим мало кто занимается сейчас.

– Да, я думаю об общем впечатлении, которое производит мое выступление, – согласился маэстро. – Уделяю внимание освещению зала, хотя доктор Геббельс шутит, что лучше уж играть в полной темноте, и тогда публика точно получит сильные впечатления, – фон Кааян улыбнулся. – Я же считаю, что посып, заложенный в музыке, должен проявиться не только посредством музыкальных инструментов и исполнительского мастерства артистов, но и за счет зрительного эффекта.

– Это получается, – подтвердила Маренн. – По моему ощущению, это самое яркое исполнение, какое мне приходилось в последнее время слышать.

– Ещё раз благодарю, фрау, – фон Кааян снова поцеловал её руку. – Однако я вас оставил.

Взглянув на Илону, дирижер направился к выходу, а следом вышла и вся свита поклонников; дверь за ними закрылась.

Несколько мгновений Маренн и Илона молчали, оставшись одни. Графиня Дюлаи неотрывно смотрела на розы, лежащие на столе, а её тонкие бледные пальцы нервно теребили вышитый жемчугом шелковый шнурок театрального ридикюля. Неожиданно отступив на шаг, она присела в реверансе:

– Ваше высочество...

От волнения графиня пошатнулась, потеряв равновесие, и Маренн быстро подошла к ней, чтобы поддержать под локоть:

– Что вы, что вы. Вам плохо? Присядьте, – она заботливо придвинула Илоне стул, на котором только что сидел фон Кааян.

– Нет, не беспокойтесь, ваше высочество. Это всего лишь нервы. Столько всего произошло за последнее время.

– Я понимаю ваши чувства, – мягко ответила Маренн, усаживаясь напротив. – В прошлом году погиб мой сын. Ему было двадцать четыре года. Сейчас я чувствую такую же боль, как будто это случилось вчера.

– Они убили Иштвана, я не сомневаюсь в этом, ваше высочество, – произнесла Илона, и её голос задрожал. – Наш второй сын родился, когда его уже не было на свете. Иштван ничего не узнал о нем и погиб как раз в тот день, когда я собиралась сказать, что мы снова станем родителями. Просто чудом мне удалось сохранить этого малыша, несмотря на то горе, которое я перенесла. Иштван не желал быть лакеем фюрера и безропотно исполнять все приказы.

Илона вскинула голову, её большие тёмно-карие глаза были полны слез:

– Он думал о том, как спасти от несчастья свой народ. О том, что, как он полагал, составляет его долг перед Венгрией. Они поняли, что Иштван настроен решительно, и расправились с ним…

– Граф Эстерхази рассказал мне обо всех обстоятельствах того, что произошло, – Маренн с нежностью прикоснулась к руке собеседницы, успокаивая. – Главное вы сделали. Вы сохранили ребенка, дали ему жизнь и теперь растите его. Увы, Иштвана уже не вернешь, как и моего сына Штефана, – теперь уже сама Маренн едва совладала с собой, чтобы непрошеные слезы не нарушили её речь, – но мы должны сделать все, чтобы венгерский народ не пострадал от этой войны так, как он пострадал от первой. Я приму на себя любые обязательства ради этой цели и не отступлюсь, уверяю вас.

– Я говорила моему свёкру, что правнучка императрицы Зизи никогда не оставит в беде народ, который боготворил её прабабушку, – произнесла Илона. – Я рада, что не ошиблась. И адмирал не ошибся тоже. Младший брат моего мужа, Миклош, тоже поддерживает нас. После смерти Иштвана он вернулся из Бразилии, где служил послом Венгрии. Он во всем старается заменить Иштвана, поддерживает своего отца.

Графиня слабо улынулась и продолжала:

– Мы все благодарны Миклошу. Так же как и мой свекор, Миклош имеет поддержку в армии. Если по настоянию союзников свекор уйдет в отставку и уступит трон истинному наследнику или наследнице Габсбургов, Миклош сможет стать тем человеком, который будет гарантировать армии преемственность, а значит – обеспечит спокойствие и мирный переход власти. Он станет толковым, верным помощником. Свекор очень надеется на него. Боюсь, что и наши враги не хуже нас это понимают и попытаются нейтрализовать Миклоша так же, как моего мужа. Я боюсь, – призналась Илона. – Без второго сына моему свёкру будет совершенно не на кого опереться. Они выбьют у него почву из-под ног.

– Я знаю совершенно точно, и не только от графа Эстерхази, что у Венгрии появились друзья и внутри рейха, весьма высокопоставленные, – ответила Маренн, – так что надеюсь, им удастся удержать ситуацию в руках и контролировать все шаги противников. Я врач и не могу давать советов по безопасности, но то, что охрану младшего Хорти необходимо усилить и проверить каждого человека в ней, это совершенно ясно. Я полагаю, такие рекомендации уже поступили.

– Да, свекор озабочен этим, – подтвердила Илона.

– Однако у меня также есть сомнения, касающиеся лично меня. Я думаю, их понимает и адмирал, – заметила Маренн серьезно.

– Какого рода сомнения? – удивилась Илона. – Ведь вы – внучка Рудольфа.

– Я думаю о ныне здравствующей последней императрице Австро-Венгрии Зите и её старшем сыне Отто. Наверняка, они высажут свои претензии на престол.

– Они принадлежат к Бурбон-Пармской ветви династии, – возразила Илона уверенно. – Свекор досконально изучил генеалогию Габсбургов и даже приглашал знающих людей, чтобы не ошибиться. Император Карл попал на трон, можно сказать, случайно – только потому, что в Сараево был убит эрцгерцог Фердинанд. А императрица Зита возглавляет габсбургский дом потому, что вы, ваше высочество, единственная наследница императора Франца Иосифа по прямой линии, отказались его возглавлять. Так что, если вы намерены вернуться, им придется подвинуться, и они понимают это. Единственное, на что может рассчитывать эрцгерцог Отто,

это считаться одним из ваших наследников, как и его отец когда-то. К тому же они находятся сейчас в Канаде, и искать их там, связываться с ними, советоваться – очень долгая история. На это просто нет времени. Армии большевиков продвигаются на запад с угрожающей быстротой. Нельзя забывать и фигуру премьер-министра Черчилля, – графиня сделала паузу. – Именно его в первую очередь имеет в виду мой свекор. Англия уже однажды отвергла Карла, когда он попробовал вернуться на престол в 1921 году. Одобрить теперь кандидатуру его сына для англичан – потерять лицо. Пусть теперь в Англии и сами понимают, что двадцать лет назад поторопились, но они всё равно не будут рассматривать Отто, – повторила Илона уверенно. – На вас они согласятся с большей охотой. Свекор не сомневается в этом. Он уже решил, что отдаст в ваше распоряжение все замки Габсбургов в Венгрии, и в первую очередь – дворец Гёдэллэ, где проходила свадьба Франца Иосифа и Зизи.

– Венгерский Версаль, я знаю, – кивнула Маренн, – но никогда не бывала в нём. Я вообще почти не бывала в Венгрии.

– Это чудное место! – заверила её Илона. – Я очень люблю его. Флигель Рудольфа, флигель Гизеллы, торжественный бело-золотой парадный зал, парк Зизи с очаровательным памятником, поставленным на народные пожертвования после её гибели, и старинные конюшни, где содержались любимые лошади императрицы.

Вдруг дверь гримерной открылась, на пороге появился Ральф:

– Фрау, я прошу прощения. Нам пора ехать. Джилл уже в машине.

– Надеюсь, в самом ближайшем будущем мы встретимся ещё раз, – Маренн пожала руку Илоны на прощание, – и я познакомлю вас со своей дочерью. А это её жених, барон Ральф фон Фелькерзам, – она указала взглядом на адъютанта Шелленберга. – Мой будущий зять, я надеюсь. Он тоже помогает нам в нашем деле.

– Графиня, – фон Фелькерзам щелкнул каблуками, галантно склонив голову. Илона протянула руку, обтянутую шелковой перчаткой, и Ральф поцеловал ее.

– Только один раз в жизни я видела императрицу Австрии, – призналась Илона взволнованно, снова повернувшись к Маренн. – Это была не Зизи, увы. Всего лишь та самая императрица Зита, супруга последнего императора Карла. Я была совсем маленькой девочкой. Императрица посещала госпиталь в Будапеште, и придворные венгерские дамы сопровождали ее. Мне тогда она казалась божеством, сошедшим к людям. Она не пропустила ни одного большого, даже самого тяжелого, от которого дурно пахло. Для каждого у неё нашлось слово утешения и небольшой подарок. Я была самой маленькой фрейлиной в свите, и в память о знакомстве её величество подарила мне жемчужную брошь, которую я храню до сих пор. Да, я знаю, мне говорили, что Зита – лишь бледное отражением Зизи и никак не могла с ней сравниться. Теперь я и сама понимаю это. Только встретившись сейчас с вами, я поняла, какова она, эта великая австрийская традиция и блестящая культура Вены, воплотившаяся в Зизи, которую боготворят мой свекор и его семья. Когда я вернусь в Венгрию, я скажу своему свёкру, что наследница Зизи – или королевы Эржебет, как её величиали мои соотечественники – принцесса Мария-Элизабет так же красива и добра, как и её прабабушка. Я скажу, что при вашем правлении Венгрию ждут мир и процветание. Мы можем спокойно передать страну в ваши руки.

– Это слишком высокая оценка моей скромной персоны, – Маренн смутилась. – Я бы очень хотела соответствовать. Во всяком случае, вы можете уверить свёкра, что все, что зависит от меня в том, чтобы помочь ему осуществить его планы, я сделаю. Надеюсь соответствовать его смелости и вашей самоотверженности, графиня. И той высокой репутации, которую заслужила моя прабабушка у «храбрых венгров», как она их называла.

* * *

Джилл после концерта отправилась домой, а Маренн поехала к Шелленбергу, но о делах с ним не говорила. Поздним утром, когда она уже собиралась уезжать, Вальтер получил какое-то важное известие и попросил её остаться ненадолго. Он был в хмуром настроении, когда сообщили:

– Положение становится всё более напряженным. За адмиралом Хорти в Будапеште следит не только посланец фюрера Вейзенмайер и наш посол в Венгрии фон Ягов, но и множество агентов, завербованных ими. Упрямые попытки Хорти наладить связи с западной коалицией всё-таки не скрылись от их глаз.

– Да, мне сказал об этом граф Эстерхази, – спокойно ответила Маренн. – А ты, помнится, уверял меня, что фюрер, скорее всего, ничего не знает.

Шелленберг с укором посмотрел на неё:

– Ты не настолько опыта в политических делах, чтобы понимать все тонкости. Можно знать суть, но не знать деталей, а именно детали – главное. Только знание деталей позволяет уличить союзника в измене. Когда я говорил, что фюреру вряд ли что-то известно, я имел в виду именно детали.

– Граф Эстерхази рассказал мне про план «Маргарита». Этот план по оккупации Венгрии был разработан ещё полгода назад. Полгода, – продолжала настаивать Маренн, полагая, что Вальтер просто удивляется, как это частенько делал Отто в разговорах с ней.

Шелленберг устало вздохнул:

– Подумай сама. Если бы фюреру были известны какие-то детали о переговорах Хорти с англичанами, смог бы граф Эстерхази появиться в Берлинерхалле? Нет, потому что был бы тут же арестован, ведь Эстерхази – основная движущая сила этих переговоров.

– Да, ты прав. Прости, – Маренн поняла, что незаслуженно обидела Вальтера, который по-прежнему желал сообщить ей что-то очень важное:

– Это очень хорошо, что граф уже уехал из Берлина, потому что теперь ситуация изменилась в худшую сторону, – сказал он. – Сегодня у Геббельса состоялось совещание, где рейхсминистр пропаганды открыто заявил о подготовке оккупации. Значит, это решение созрело у фюрера. Геббельс прямым текстом сказал, что венгры не реагируют на протесты немецкой стороны, и фюрер не желает, чтобы Венгрия пошла по пути Финляндии. «Предательство следует наказать», – заявил Геббельс, а его, разумеется, горячо поддержали Кейтель и Кальтенбруннер.

– Откуда тебе все известно так точно? – удивилась Маренн.

– Из первых рук, – ответил Вальтер. – Мне передал Мюллер. Он прислал самого надежного своего посыльника, которого меньше всего можно заподозрить в связях с разведкой, разве что только в любовных.

– Эльза? – догадалась Маренн.

– Да, считается, что Эльза Аккерман не умеет хранить секретов, потому что очень любит поговорить, – Шелленберг улыбнулся. – Но это только видимость, ловкая игра. На самом деле, она очень надежный связной. Известно, что вы с ней подруги, и она приехала в Гедесберг, чтобы навестить тебя, раз ты теперь бываешь здесь часто, – Вальтер выразился тактично, не озвучив причину, по которой Маренн стала ездить к нему на совещания всё чаще и чаще. – Никому и в голову не придет, что Мюллер доверяет секреты такой болтушке. Она внизу, в парке. Посмотри.

Маренн подошла к окну и увидела, что внизу у заснеженных елей Эльза кормила с руки белок. Зверьки прыгали по ближним ветвям, заставляя снег осипаться, поэтому пушистый воротник шубки из черно-буровой лисицы уже порядком запорошило.

Глядя на эту идиллическую картину, Маренн могла бы посмеяться, но сведения, которыми сейчас делился Шелленберг, представлялись настолько серьёзными, что было не до смеха:

– По словам Геббельса, фюрер намерен заставить венгерское руководство подать в отставку, арестовать правительство, взять под стражу Хорти и поставить во главе Венгрии Салаш и его камарилью, как мы и предполагали, – произнёс Вальтер, встав рядом и тоже глядя в окно. – Все это случится уже скоро. Они хотят, чтобы оккупация Венгрии произошла в отсутствие Хорти, чтобы держать его в руках и заставить прикрыть своим именем их агрессию. План ареста адмирала уже разработан. Завтра в Будапештской опере дают «Аиду», а на спектакле будет присутствовать адмирал с семейством и дипломатический корпус. Риббентроп уже дал указание нашему послу попросить в перерыве срочную аудиенцию у регента и передать ему настоятельное приглашение фюрера прибыть в самое ближайшее время для переговоров в Австрию, в замок Клейсхайм. Предполагается, что разговор пойдет о положении дел в мире, ситуации в России, а также о возвращении венгерских войск с Восточного фронта домой. Это тот крючок, на который они надеются поймать Хорти. Адмирал сам просил фюрера вернуть войска и неоднократно обращался с письмами. Ответа не было. Теперь ответ якобы будет дан. Но совсем не тот, которого ожидает Хорти.

Вальтер сделал паузу. Было тихо, так что можно было различить, как скрипит снег под ногами у Эльзы, продолжавшей увлечённо кормить белок.

– Они арестуют адмирала в Клейсхайме? – спросила Маренн, все так же глядя в окно, и сама ответила: – Да, они арестуют его там.

– Если он приедет, – добавил Вальтер. – Хорти ведь может и отказаться. Во всяком случае, мы сделали все, чтобы предупредить его. По нашим каналам через посла в Лиссабоне мы передали, что соглашаться на предложение фюрера нельзя. Надо потянуть время, чтобы заручиться поддержкой Черчилля. Граф Эстерхази также проинформирован. Он уже завтра будет в Будапеште и, вероятнее всего, успеет предупредить адмирала. Будем надеяться, что адмирал – опытный человек и возьмет таймаут на размышление.

– Если Хорти поедет в Клейсхайм, он вернется назад только под конвоем? – Маренн повернулась, взглянув Вальтеру в лицо.

– Если вообще вернется, – нахмурился тот. – Во всяком случае, вернется в оккупированную страну, это точно. У венгров в наличии всего две дивизии, две горнострелковые бригады и только девять орудий. Все остальное на Восточном фронте. Они не смогут оказать сопротивления вторжению вермахта. Все зайдет несколько часов, не больше, пока адмирал беседует с фюрером в Клейсхайме. Конечно, адмирал нужен им живым, учитывая его большое влияние в стране. На первое время. Но они понимают, что венгры уважают Хорти как гаранта их стабильной жизни и суверенитета. Как только страна будет оккупирована, этот авторитет начнет таять быстрее мартовского снега под солнцем, и уже через месяц адмирал из лидера нации превратится в разряженную куклу, германского наймита. Вместо прежнего почитания венгры будут плевать на его изображение. Надеюсь, Хорти сам понимает это не хуже нас и будет осторожен. – Вальтер отошел к письменному столу, взял сигарету из пачки и, наклонившись, прикурил. – Если адмирал попадет к Кальтенбруннеру и его помощникам, то превратится в маринонетку. Те смогут воздействовать на него так, чтобы он стал говорчивым. У них есть план, одобренный фюрером, конечно.

– Угроза жизни второго сына, Миклоша? – Маренн вспомнила недавний разговор с Илоной.

– Именно так, – Шелленберг кивнул. – Как мне сообщил Мюллер, если Хорти-старший не уступит, они намерены похитить его сына Миклоша и отправить в лагерь, чтобы он наблюдал, как сжигают евреев в крематории.

– Сына регента в лагерь? – Маренн ужаснулась.

— А что в этом особенного? — Вальтер с напускным равнодушием пожал плечами. — Отправили же туда тебя, не родственнику какого-то регента, а законную наследницу династии Габсбургов.

— Никто не знал об этом.

— Боюсь, что это не имело никакого значения. Как это ни печально, — Вальтер внимательно посмотрел на собеседницу. — Даже когда узнали, всё равно не торопились освобождать. Для этого ещё пришлось постараться, и если бы не обнаружилось очевидной пользы, которую ты можешь принести германской армии как опытный врач, там бы и оставили, несмотря на родство с Габсбургами. А с Миклоша какая польза рейху? Даже его отец вскоре после оккупации утратит всяческое значение, а уж сын — там более. Он погибнет в лагере, это точно. При каких обстоятельствах — другой вопрос, но отправят его туда на смерть, чтобы, если ненароком выживет, не болтал англичанам лишнего.

— Похищение Хорти-младшего поручено Скорцени? — спросила Маренн, стараясь не выдать своего беспокойства и всё так же глядя в окно.

— Я не хотел говорить, — признался Шелленберг, — ведь тебе это неприятно.

— Что ж тут неприятного? — с сарказмом ответила Маренн. — Не сомневаюсь, что Скорцени блестяще его похитит, как и Муссолини. Будет повышение по службе, почет, материальное вознаграждение. И сколько бы он ни соблазнял молоденьких секретарш фюрера и ни обхаживал Гретель Браун, меня он от себя не отпустит ни за что. Значит, почестей и мне достанется. Почестей за то, что венгерский народ, боготворивший моего прадеда и особенно прраббаку, захлебнется в крови, проклиная имя регента Хорти, да и Габсбургов заодно. Впрочем, проклятия народа будут звучать недолго, ведь с вторжением большевиков этот народ перестанет существовать как исторически сложившаяся общность. Думаю, он станет одной из многих частей новой общности, превратившихся в народ советский. К этой общности с удовольствием пристегнут и венгров, как ещё одну лошадку к повозке.

— Мы сделаем все, чтобы Венгрия вышла из войны с как можно меньшими потерями, — Вальтер взял женщину за плечи и развернул к себе. — Я тебе обещаю. Ведь это необходимо не только Венгрии, но и ещё больше нужно Германии. Все то, что большевики могут сделать с Венгрией, они сделают и с Германией. Только будет ещё страшнее. И случится всё не с кем-то далеким, а с нашими детьми — с моим Клаусом, с Нанеттой, любимой дочерью Гиммлера. Не только я, но даже рейхсфюрер отчетливо понимает серьёзность положения и потому действует, хоть боится Гитлера, бесспорно.

— Боюсь, что нам противостоит не только фюрер и те, кто остается на его стороне, — печально заметила Маренн. — Сама воля истории против нас.

— Что ты имеешь в виду? — недоумённо спросил Вальтер. — Ты знаешь, я скептически отношусь к таким вещам, как воля, предвидение, и полагаюсь на здравый расчет.

— Мой прадед Франц Иосиф тоже полагался на здравый расчет, но ошибся. Мой прадед не верил, что над Габсбургами довлеет проклятие. Он боролся, но все-таки проиграл злой воле. Моя австрийская няня, которую привез из Вены маршал Фош, бывшая фрейлина императрицы Зизи, хорошо знала историю императорского дома. Она рассказывала, что в 1848 году, когда в Венгрии вспыхнуло восстание против императора Франца Карла, моя прапрабабушка София, тетка Зизи, императрица Австрии, тогда отдала приказ жестоко подавить бунт. Точнее, она заставила своего безвольного мужа отдать этот приказ, вместо того чтобы, как советовали, удовлетворить требования восставших и предоставить Венгрии автономию. Все равно Францу Иосифу, её сыну, пришлось это сделать позже, иначе империя бы развалилась полностью, и от неё отделилась бы не только Италия. Одного из предводителей восставших жестоко убил кирапир, фактически рассек на две половины, был некий молодой человек по фамилии Карой. Ничего не значащая для императрицы фамилия. София никогда не узнала бы ее, если бы мать этого юноши не явилась спустя несколько месяцев после восстания к Софии в Хоффбург. Это

была самая знаменитая венгерская колдунья, из старого рода колдунов, ещё со времен римских легионеров. Она происходила от языческих жрецов и обладала, как говорили, колоссальной силой. Звали её Каролина Каройи. Моя няня говорила, что люди в её роду при помощи своих тайных знаний жили до ста пятидесяти лет, и не дай бог убить кого-нибудь из них, ведь это навлекало проклятие на весь род убийцы. Не исключено, что эта Каролина Каройи жива и до сих пор. Правда, с тех пор её никто не видел. Говорили, что она ушла в горы и спряталась там со своим горем. Так вот эта Каролина Каройи объявила императрице, что род Габсбургов иссякнет, как пересыхает вода под жарким июльским солнцем, и что благородная фамилия утратит власть над данной ей Богом страной. В наказание за преступление. Императрица София была убежденной католичкой, поэтому приказала гнать ведунью и много времени провела в молитвах, чтобы проклятие не осуществилось. Не помогло. Зло было сделано, и оно начало действовать на того, кто его послал, возвращаясь как маятник. Кронпринц Рудольф покончил с собой, императрицу Зизи убили, кроппринца Фердинанда тоже, императора Карла свергли с престола. Можно не верить в это, – Маренн пожала плечами. – Но я всегда ощущала, что надо мной тяготеет какой-то рок. Моя жизнь не была безоблачной, она сложилась совсем не счастливо. Смерть Штефана – только один из этапов на этом скорбном пути, видимо, не последний. Так что я сомневаюсь, что Габсбургам суждено вернуться на престол, но, как сказал на смертном одре мой прадед Франц Иосиф своему наследнику Карлу: «Если рок сильнее нас и монархии суждено погибнуть, пусть она погибнет с честью». Я тоже буду следовать этому завету.

– Это красивая история, но никакое проклятие Габсбургов не может сравниться с большевистской угрозой, – Вальтер вздохнул. – Мы вынуждены существовать в жестких рамках действительности, и она диктует нам свои условия, не очень для нас приемлемые. Будь Габсбурги хоть трижды прокляты, если таково условие союзников Сталина, чтобы остановить его армии, мы обязаны согласиться на это. Только об этом сейчас надо думать, Мари. Только об этом! На лирику времени не остается. Что будет дальше, покажет время. В конце концов, если правление будет тебе в тягость и ты захочешь вернуться к прежней жизни, то оставишь трон эрцгерцогу Отто, а императрица Зита будет просто счастлива. Тогда все это уже не будет иметь никакого значения.

– Да, это уже не будет иметь значения, – повторила Маренн, – но я принадлежу именно к той ветви Габсбургов, которую прокляла Каройи. Уже никого нет в живых ни до меня, ни после – я одна. Мой сын погиб, как и сын Зизи – примерно в таком же возрасте, его и моем. И так же, как ей, мне остались только скитания. Боль, которая гонит из дома и никогда не отпускает, не дает покоя. Так что… – она запнулась, – маленькая ранка в сердце, через которую сочится душа, у меня также есть, как и у Зизи. Прости. Я спущусь к Лизе.

Маренн взяла меховое манто, висевшее на спинке кресла. Комок встал в горле, она почувствовала, что задыхается от отчаяния.

– Да, хорошо, – пробормотал Шелленберг.

Маренн стремительно прошла к двери, держа манто в руке, но услышала она за спиной голос Вальтера:

– Насколько я помню, когда Францу Иосифу доложили о гибели императрицы, он сказал: «Вы не представляете, как я любил эту женщину».

Маренн остановилась, не поворачиваясь.

– Наверное, это тоже своего рода проклятие, – продолжал Вальтер, – и одно неотделимо от другого. Я хорошо понимаю Франца Иосифа и думаю, он не пожелал бы иного. Я тоже.

– А она покидала его, – тихо ответила Маренн, – старалась всеми способами охладить его пыл, сама приглашала любовниц, чтобы он поскорее забыл ее. Она желала оставаться только лишь императрицей, не женой, потому что не могла выносить устроенного его матерью солдатского этикета. Она искала, кто заменит ее…

– Но никто её не заменил. Ни при жизни. Ни после смерти, – докончил Шелленберг.

Маренн обернулась, Вальтер неотрывно смотрел на неё. Она подошла к нему совсем близко, прислонилась лбом к его плечу. Он обнял ее, привлек к себе, вытащил деревянную спицу, скреплявшую ей волосы на затылке, и те каштановой волной скользнули вниз.

– Ты так же, как Зизи, считаешь, сколько волосков выпало после каждого расчесывания? – спросил он, чтобы скрыть волнение.

– Ты же знаешь, что нет, – ответила Маренн с лёгкой улыбкой. – У меня нет столько свободного времени, сколько было у Зизи, и даже если я нежданно-негаданно сделаюсь королевой, его у меня все равно не будет. Ведь я не оставлю свою работу, постараюсь совместить её с новыми обязанностями.

Шелленберг, осторожно взяв любимую женщину за подбородок, заставил её приподняться голову и приник поцелуем к губам. Маренн, бросив манто, которое всё ещё держала в руках, обняла Вальтера, но затем он отстранился от неё и почти отвернулся:

– Все, иди, иди, мне ещё надо работать. Проводи Лизу. Она хотела увидеться с тобой.

Маренн поймала его ладонь, нежно пожала её:

– Хорошо.

Подобрав манто, которое бросила, не подумав, она пошла к двери и так же, как несколько минут назад, снова оглянулась. Маренн все ещё ощущала пронизывающий жар объятия. Вальтер тоже смотрел на неё. Потом, словно пересилив себя, опустил голову.

* * *

– Ты прямо из Берлинерахалле? – Лиза кивнула на вечернее платье своей подруги. – А меня шеф не пустил на концерт, – говоря о Геббельсе, Лиза кисло скривила губы. – Подбросил срочное дело – подобрать ему цитаты для доклада, и отложить было никак нельзя, – рукой, затянутой в замшевую перчатку, она смахнула снег с воротника своей шубки. – Напыщенный такой. Ещё бы! В кое-то веки ему поручили важнейшее дело – провести совещание с Кейтелем, Кальтенбруннером, и чтоб он всеми командовал от лица фюрера. Я думала, он лопнет от собственной значимости. А тут я с концертом. У него чуть глаза на лоб не вылезли, – девушка рассмеялась и, понизив голос, передразнила Геббельса: – Фройляин Аккерман, вы не понимаете, какое решительное время наступает для Германии??!

– А ты что ему ответила? – поинтересовалась Маренн, чтобы поддержать разговор.

– Ну что ему ответишь? Пришлось смириться. Яволь! Что еще? Без моих цитат, выбранных именно сегодня вечером, Германия обязательно погибнет, – съязвила Эльза. – Ничто её не спасет. Как концерт?

– Божественно, – ответила Маренн. – Ты же знаешь фон Кааяна.

– О, да! – Эльза кивнула. – Вальтер сказал то, что я передала ему сегодня? Это важно для тебя? – она спросила серьезно.

– Да, важно, – кивнула Маренн.

– Хорошо, что мне удалось выполнить поручение. Не думай, что выйти из нашего Министерства пропаганды незамеченной, когда шеф лично за тобой следит, это просто, – пошутила связная.

– Я понимаю, – Маренн улыбнулась. – Может быть, останешься выпить кофе?

– А как же моя работа?! – Эльза с притворным ужасом всплеснула руками. – Вчера цитаты подбирала, а на сегодня, ты думаешь, у меня нет поручений? Мне нужно возвращаться, иначе будет скандал. Если исчезну на пару часов, Геббельс ещё как-нибудь переживет. Он понимает, что и Генриху я должна уделить внимание, поэтому не держит меня на работе круглые сутки, чтобы не ссориться с гестапо. Однако всему есть предел. Если пропаду на полдня и ничего не сделаю – шеф не потерпит. Так что, спасибо за приглашение, но – бегу, бегу! Выпьем кофе как-нибудь в другой раз.

Вытащив ключи из кармана шубки, Эльза направилась к машине, но вдруг приостановилась.

— Мне не хотелось говорить, — девушка повернулась, и на её лице появилось замешательство, обычно ей не свойственное. — Мне кажется, Вальтер — это куда лучший вариант, чем... — она осеклась, не договорив, но Маренн поняла её. — Я заметила, он выглядел сегодня счастливым. Где-то внутри успокоился. Внешне, конечно, это не так бросается в глаза. Он умеет себя сдерживать.

— Ты тоже знаешь о похождениях Отто? — спросила Маренн.

— Нет, я говорю не о похождениях, — Эльза пожала плечами. — Я о чувствах Вальтера. О чувствах к тебе. Ладно, поехала, — она распахнула дверцу автомобиля, села за руль. — Мне пора. Увидимся!

— Увидимся. Будь осторожна.

Маренн наклонилась. Эльза чмокнула её в щеку, а затем захлопнула дверцу. Заработал мотор; машина тронулась. Маренн медленно шла позади, наблюдая, как автомобиль подъехал к воротам и как Эльза предъявила пропуск эсэсовскому охраннику. Ворота открылись. Когда машина выехала, Маренн вернулась на крыльцо, а затем, отряхивая снег с подола платья, вошла в холл, чтобы снова попасть в кабинет к Вальтеру и попросить того вызвать шоферя. Ей пора было домой — переодеться и спешить на работу. Правда, немного времени ещё оставалось, ведь Маренн вчера предупредила, что вряд ли появится на работе до обеда.

Никуда ехать не хотелось. Вдруг навалилась такая усталость, что Маренн, решив пока не отвлекать Вальтера, поднялась на второй этаж и прошла в жилой флигель. Почтенная фрау Амалия, домохозяйка Гедесберга, с аккуратно причесанными седыми волосами, в идеально белом переднике поверх строгого темно-синего платья, украшенного лишь атласным белым воротником, принесла на подносе кофе. Оставив всё на столике перед зажженым камином в спальне, фрау Амалия поклонилась и вышла.

— Благодарю, — задумчиво сказала Маренн ей вслед.

Она подошла к окну. Этот флигель выходил к озеру. Чёрная гладь воды, местами подернутая льдом, просвечивала за высокими заснеженными деревьями. Гладкую поверхность воды изредка вспарывали, взлетая, дикие утки. Их собралось вдоль берега немало. Они жили здесь стаями, каждая отдельно, не смешиваясь, и пережидали зиму, ведь озеро, подпитываемое подземными ключами, не замерзало даже в морозы.

Маренн вернулась к камину, вытянула из зелено-зелёной пачки тонкую коричневую сигарету с ментолом, взяла зажигалку и, опустившись в кресло, закурила. Яркие языки пламени колыхались за ажурной решёткой, и было слышно, как потрескивают дрова.

«Мария-Элизабет, королева Венгрии», — подумала Маренн с грустной иронией, глядя на огонь. Ни в юности, ни два-три года назад, ни даже месяц назад правнучка Зизи не могла подумать, что такое случится.

На какое-то мгновение в памяти всплыл особняк её приёмного отца. Вспомнился просторный зал, украшенный бельгийскими гобеленами. Она стоит растерянная перед вот так же ярко разожжённым камином, не зная, что сказать. Её приемный отец, Фош — тогда ещё генерал, а не маршал — сообщил ей, что к ним в гости приедет принц Эдуард, наследник английского короля Георга, и что его величество просит Мари быть благосклонной и принять предложение Эдуарда стать его женой, а со временем — королевой Англии.

«Я должна стать королевой? Но я не хочу быть королевой!» — юная Маренн едва не заплачала в той комнате, потому что совершенно не желала знакомиться с принцем Эдуардом и уезжать в Англию. Ей нравился сын простого прованского учителя — Этьен Маду, в будущем знаменитый летчик Первой мировой войны — но она не могла рассказать близким о своих чувствах. Не могла рассказать даже графине Шантал, своей немецкой бонне, фрейлине импе-

императрицы Зизи, которую маршал Фош привез с собой из Вены, чтобы графиня воспитывала Маренн как принцессу, хотя девочку и отвергли Габсбурги.

Во всем подражающая своему идеалу, Её Величеству императрице Елизавете Австрийской, графиня Шантал очень тщательно затягивала корсет, носила строгие, но элегантные черные платья, подобные тем, которые носила Зизи в последние годы жизни, и даже в поведении старалась сделаться похожей на своего кумира – копировала голос, манеру поворачивать голову, улыбаться. Фрейлина императрицы видела на протяжении многих лет, как свободолюбивая Зизи вопреки характеру покорялась велению долга. Значит, должна была покоряться и воспитанница фрейлины. Графиня Шантал никогда не смогла бы понять чувств Маренн. «Вы рождены, чтобы стать королевой», – таков был бы ответ бонны. И точка.

Графиня Шантал оказала большое влияние на воспитанницу, привив ей определенный стиль в одежде и соответствующие манеры. «И если теперь люди с восторгом говорят, что я вылитая – императрица Зизи, то благодарить должны графиню Шантал. Это моя бона сделала меня такой», – подумала Маренн, сидя в кресле перед камином в доме Шелленберга.

Возродить прежний образ в новом теле – казалось, это стало для графини Шантал смыслом существования. В своё время она ради императрицы Зизи, скитавшейся по миру, отказалась от личного счастья – разорвала помолвку, чтобы сопровождать свою госпожу повсюду. Немногие решились на такую жертву, даже ради Зизи. Графиня Шантал была рядом с императрицей, когда итальянский фанатик пронзил её заточкой, и не отходила от постели государыни, истекающей кровью, до самой последней минуты.

После гибели Зизи графиня удалилась от двора, заперлась в своем доме в Вене и никого не принимала, создав в своих покоях почти что храм императрицы. Только узнав, что в Вену привезли осиротевшую Маренн, которую предполагалось оставить на попечение венценосным родственникам, графиня Шантал покинула свои апартаменты впервые за много лет. Она прямо сказала «этому молодому французу», который привёз девочку: «Вы не знаете, что творите. Вы отдаете дитя тем, кто погубил её прабабушку и деда. Лучше отдайте малышку в приют. Только не Габсбургам. Они изуродуют её душу».

К счастью для графини, Габсбурги встретили маленьку Маренн очень холодно, поэтому Фош не хотел оставлять девочку в Вене. Однако он находился на военной службе, и ему следовало вскоре отбыть в войска. Увидев, в чём состоит затруднение, графиня сразу же предложила свою помощь, выразив готовность без сожаления покинуть Вену и ехать хоть на край света за правнучкой её драгоценной императрицы. И поехала. Нисколько не испугавшись, отправилась с Фошем и Маренн в Алжир, где без наскоков бедуинов и перестрелки не обходился ни один день.

Гизелла Шантал всегда была рядом со своей воспитанницей: в зной и в холод, под выстрелами и тогда, когда шакалы выли в горах, а их тени в свете ярко-желтой луны казались устрашающе огромными. Бонна со своей немецкой педантичностью, с вечными наставлениями и замечаниями казалась надоедливой, но всегда оставалась безгранично преданной, готовой на все – даже отдать за девочку жизнь. Графиня Шантал была по-своему нежная и заботливая. Она никогда не жаловалась, что присмотр за непоседливым ребёнком доставляет много хлопот и отнимает много сил. Если Маренн болела, Гизелла сидела у её кровати, и никогда ни разу не пропустила время приема лекарства. Бонна не забывала то, что забывали даже доктора, и была совсем как мама. Маренн и воспринимала её как маму, тем более что свою настоящую мать видела только на портретах, и долго не понимала, кто же эта молодая женщина в парадных одеяниях, которая всегда молчит. По возвращении из Алжира начался долгий период жизни во Франции. Они трое как-то быстро и по-особенному сроднились. Дошло до того, что Жюли Фош, жена будущего генерала и мать его детей, начала ревновать мужа, как если бы он завёл на стороне вторую семью. Впрочем, супругу Фоша можно было понять, потому что стареющая венская красавица, графиня Шантал, даже в зрелые годы вызывала восторги мужчин, приез-

жавших по делам к Фошу. Строгая, даже суровая, всегда в черном, она обладала особой статью и, стараясь во всем подражать идеалу, со временем стала настолько похожа на Зизи, что её трудно было отличить от портрета императрицы.

Нет, графиня Гизелла Шантал не была бесчувственным сухарем, как часто говорят о старых девах. Она растила маленькую Маренн так, как сама Зизи хотела растиль своих детей – мягко, но настойчиво прививая необходимые знания и правила поведения, но однозначно обходясь без муштры и принудительных походов на месссы. Бонна прививала девочке интерес к природе, музыке, искусству – растила из воспитанницы саму Зизи, такую, какой та была в доме Виттельсбахов до замужества за Францем Иосифом и, в сущности, оставалась до самого конца. Не наследницу Габсбургов. И это у неё получилось. Гизелла Шантал выполнила свой долг, и если Маренн стала тем, кем она стала, – в этом есть и заслуга графини Шантал.

Маренн редко задумывалась о том, что связывает Гизеллу и Фердинанда Фоша, причём эти раздумья всегда провоцировала Жюли Фош своими скандалами. Конечно, Гизелла была старше Фоша, но разница в возрасте не могла им помешать. Другое дело – принципы, которыми руководствовалась графиня Шантал, стремившаяся быть похожей на Зизи. Конечно, у необычайно популярной императрицы были тайные поклонники, видевшие в ней прежде всего женщину, но Елизавета Австрийская никогда не опускалась до физической измены. Несомненно, Гизелла тоже сочла бы связь с женатым мужчиной пошлой и неприличной.

Никогда Маренн не замечала, чтобы Гизелла заботилась о Фоше больше, чем о ней, чтобы она уделяла ему внимание, забыв, – это просто невозможно было себе представить, – о внучке кронпринца Рудольфа. Нет, все, что было связано с Зизи, было для Гизеллы свято, и она ни на секунду не забывала своих обязанностей.

Гизелла последовала за своей воспитанницей даже на войну, когда английская королева Мария, мать принца Эдуарда, пригласила невесту сына поддержать начинание герцогини Камиллы Сэтерлендской и работать в её госпитале. Бонна считала такой труд достойным будущей королевы, и всегда вспоминала императрицу Зизи, собственоручно перевязывавшую раненых австрийских солдат, пострадавших в сражениях под предводительством её мужа. Гизелла была рядом с Маренн, помогала ей, но не увидела, как её принцесса встретила английского художника, лейтенанта армии, потеряла голову, забыла принца и все свои обязанности. Самоотверженная графиня не увидела последствий этой влюблённости – разрыва Маренн с приёмным отцом, отказа принцу, рождения Штефана, отъезда воспитанницы в Америку. Бог помиловал графиню Шантал. Её небесная покровительница Зизи призвала её к себе, чтобы сберечь, иначе сердце Гизеллы не выдержало бы. Весь труд её жизни был пущен под откос. Все её мечты и надежды – разом.

Гизелла умерла в 1917 году, за год до окончания Первой мировой войны, пережив на год императора Франца Иосифа. Она сильно простудилась, и организм не справился с инфекцией. Все усилия врачей оказались напрасными. Маренн выхаживала бонну до последнего, надеясь на чудо и с горечью осознавая, что чуда не будет.

Гизеллу похоронили во Франции, далеко от когда-то милой её сердцу, но давно забытой Вены. Бонна умерла с надеждой. Ей было на что надеяться – всё шло к тому, что Франция и Англия выиграют войну, состоится свадьба, и юная Маренн станет частью английской королевской семьи, а позднее – королевой Англии. Перспективы представлялись радужными. Помолвка произошла, и принц был влюблен в свою невесту, как когда-то Франц Иосиф – в Зизи, но Гизелла не могла знать, что год её смерти станет фактически последним в жизни старой, привычной и понятной ей Европы, а в новой создавшейся реальности, спонтанной, яростной и революционной, Габсбургам уже не найдется места. Графиня Шантал даже не догадывалась, что осенью 1917-го в России случится переворот, в результате которого падёт одна из сильнейших монархий Европы, а вскоре после этого очень многим европейцам даже само понятие монархии покажется архаизмом!

Маренн порой думала, что даже если бы вышла за Эдуарда, то всё равно вряд ли стала бы королевой. Английское королевское семейство наверняка решило бы, что в условиях, когда империя Габсбургов перестала существовать, Эдуарду нужна другая невеста, а влюблённый Эдуард поступил бы вопреки воле родни. Маренн знала, как сделал бы принц. К тому же несколько лет назад он отрёкся от престола, чтобы жениться на любимой женщине – не на Маренн, а на некоей Уоллис Симпсон, но когда-то на её месте могла быть Маренн.

Графиня Шантал наверняка оказалась бы очень огорчена таким исходом дела, ведь бонна умерла, мечтая, что правнучка Зизи станет королевой. Теперь же, как ни странно, мечта вдруг оказалась очень близка к осуществлению. Сейчас, спустя столько лет, после самых нелепых и непредсказуемых поворотов судьбы «принцесса Маренн» вновь была поставлена перед выбором, но только теперь выбрать пришлось не между принцем и сыном сельского учителя, и не для себя лично, а для целого народа – корона или кровопролитие.

Выбор, который в итоге сделала Маренн, казался очевидным. Этому её тоже научила Гизелла – пожертвовать собой ради блага страны, вверенной тебе Господом. Это был один из уроков габсбургской монархии, казалось бы, давно забытый за ненадобностью, но вдруг ставший очень важным.

Маренн не слышала, как вошел Вальтер, и заметила его лишь тогда, когда тот положил ей руки на плечи. Его пальцы скользнули вниз, гладя присыпанную золотистой пудрой кожу в низком декольте. Маренн вздрогнула от неожиданности и повернула голову.

– О чём ты думала? – спросил Шелленберг и, наклонившись, поцеловал её волосы.

– Так, я вспоминала. Свою немецкую бонну, графиню Шантал, которая воспитывала меня. Одно время я считала её надоедливой старой девой в черном, позднее относилась к ней с нежностью, как к матери, а теперь тоскую. Я желала бы, чтобы она оказалась рядом со мной, но это невозможно. Это она мечтала, чтобы я стала королевой. Правда, не Венгрии, а Англии.

– Время сильно изменилось, теперь быть королевой – совсем не то, что даже полвека тому назад.

– Я не могла себе представить, что мне когда-нибудь придется задуматься об этом.

– Должен тебе сказать, – отозвался Вальтер, – что я, когда был мальчишкой-студентом без гроша за душой, тоже не мог себе представить, что королева из рода Габсбургов окажется в моей спальне, – он поцеловал её шею, пальцы опустились чуть ниже, лаская кожу.

– Надо благодарить фюрера, – Маренн грустно улыбнулась, – что юноша-студент возвысился, а Габсбурги, напротив, пали.

– С Габсбургами это печальная заслуга красных, – возразил Шелленберг. – Что же касается меня, да и всей Германии, то на определенном этапе *наша партия*, служившая возрождению и сопротивлению красной чуме, теперь сама превратилась в орудие разрушения. Само начало Второй мировой войны стало приговором для Германии, ибо было понятно, что Англия и Штаты не смирятся. Они окажут сопротивление. А они умеют драться, что бы о них ни говорили с пренебрежением наши политики. Тот самый древнегерманский дух, который превозносит доктор Геббельс, присущ и англичанам в полной мере, но если бы не Сталин, пожелавший участвовать в разделе мира, фюрер едва ли решился бы на такую авантюру. Теперь уже поздно сожалеть. Теперь пора действовать, – он помолчал немного, а затем спросил почти безразлично: – Ты, наверное, хотела бы вернуться домой? Я отправил водителя по делам, но могу попросить Ральфа отвезти тебя.

Конечно, Маренн должна была ехать, но ей очень не хотелось, поэтому она только пожала плечами:

– А ты останешься здесь? А вечером?

– Да, я теперь живу здесь, – мягко ответил Вальтер, – я окончательно ушел от Ильзе. Мне пришлось ей сказать, что никаких чувств, кроме дружеских, я к ней не испытываю, что я люблю другую женщину. Ильзе давно подозревала, и все это не стало для неё откровением,

но смириться с присутствием другой женщины в моей жизни она не собирается. Это было бы оскорбительно и для Ильзе, и для меня, так что лучше расстаться.

– А как же Клаус?

– Я буду видеться с ним. Как же иначе? В конце концов они оба – и он, и Ильзе – будут продолжать жить на мою зарплату.

– Что ж, тогда я могу с полным правом приехать к тебе вечером, – решила Маренн. – А сейчас пусть Ральф меня отвезёт. К тому же он сможет лишний раз увидеться с Джилл. Она ведь тоже отправится на работу только во второй половине дня.

– Я скажу Ральфу об этом, – Вальтер улыбнулся. – Мне кажется, что такая мысль ему понравится.

Вечером «королева» из рода Габсбургов снова была у Шелленберга, в том же жилом флигеле.

Постельное белье тонкого шёлка было прохладным, и Маренн казалось, что её обнаженное тело скользит по простыням, не сминая их. Ласка Вальтера, его объятия, поцелуи, ответный жар, охвативший её, – всё слилось в едином ощущении наслаждения и полной отрешенности от времени, от реальности, от самой себя. Языки пламени плясали в камине за полуупрозрачным пологом кровати. Спутанные волосы Маренн временами закрывали этот вид, густыми прядями падая ей на лицо, но когда она отбрасывала их назад, желто-красные искры огня казались ей необыкновенно яркими, своим цветом отражавшими всю полноту испытываемых ею ощущений.

Когда страсть стала угасать, Маренн вдруг ощутила всю глубину и трепетность того чувства, которое испытывал к ней Вальтер, и сердце сжалось внутри так, что, казалось, остановилось. У неё перехватило дыхание, слезы выступили на глазах, но уже не от контраста цветов, а от ощущения счастья – полного, безмятежного блаженства. Он лег рядом с ней, она обвила рукой его шею, прижавшись лбом к влажному от выступившего пота плечу. Маренн и Вальтер молчали, боясь произнести хоть звук, чтобы не спугнуть то волшебное ощущение близости, которое оба испытывали. В камине потрескивали, дрогорая, поленья. В темном проеме окна крупными хлопьями падал снег, и снежинки выглядели оранжевыми, отражая последние отблески пламени.

– Мы часто бываем неблагодарными, сами того не понимая, – наконец произнесла Маренн, – Только много лет спустя вдруг осознаем свою черствость.

Она откинулась на подушки и посмотрела вверх, на тюлевый полог, собранный под потолком пышной розой.

– Ты о своей бонне? – спросил Шелленберг, лениво наклонился к небольшому столику у кровати и взял сигарету из пачки. Прикурив, передал её Маренн.

– Спасибо, – кивнула женщина. – Да, о ней.

Прикурив вторую сигарету, Вальтер затянулся сам и, протянув свободную руку, снова привлек Маренн к себе.

– Она могла позволить себе быть счастливой, не думая ни о чем. Быть такой же счастливой, как я сейчас. Ведь барон фон Розенберг, кирасирский полковник, любимец Франца Иосифа, который в молодости сватался к ней, так и остался холостяком. Он снова сделал ей предложение незадолго до того, как мой приёмный отец привез меня в Вену, и только после вторичного отказа женился на певице Венской оперы. А мой приёмный отец? – Маренн пожала плечами. – В детские годы я никогда не задумывалась, каково было ему из-за нежданно-негаданно свалившихся на него забот о чужом ребенке рисковать своим собственным семейным счастьем. Да, несмотря на разрыв со своей невестой Мадлен, которая не пожелала смириться с моим существованием, Фош всё-таки нашёл себе подходящую женщину, а затем у него появились свои дети. Конечно, они ревновали его ко мне, и это отравляло ему жизнь. Никто не заставлял его особо задумываться о моей судьбе. Франц Иосиф сказал: «Ну, раз привезли её,

то оставляйте. У нас много дворцов, да и фрейлин хватает. Мы найдём, где девочке жить и кому о ней позаботиться». Другой бы оставил. Ну и что, что погибший друг просил его этого не делать. Ну и что, что девочка была напугана и плакала. Оставил бы и поехал бы устраивать свою жизнь. Но он поступил иначе. И Гизелла тоже иначе распорядилась своей жизнью – не так, как многие другие дамы Вены. Я только во взрослом возрасте испытала огромную благодарность к ним обоим, – призналась Маренн негромко. – Я стала благодарна им, когда сама многое узнала в жизни: любовь, а затем горечь потерь и измены! – говоря это, женщина снова прижалась к Вальтеру, чувствуя тепло его тела. – Я поняла их жертвы. И поняла, как необдуманно поступала, какую доставила боль, во всяком случае, своему приёмному отцу. Но только вот попросить прощения мне уже не у кого. Он не дождался моего возвращения в Париж, моих запоздалых признаний. Заболел от тоски и умер. И это несмотря на то, что вся Франция боготворила его, превозносila его победу. Иной бы купался в славе, ведь о Фоше говорили, что он равен Бонапарту. К сожалению, ничто не могло его успокоить и излечить ту рану, которую я нанесла. Я опоздала. Приехала уже к могиле. К великолепному склепу в Доме инвалидов, в котором покоилось его разбитое сердце. Надеюсь на то, что с небес он смотрит на меня и знает, что я раскаиваюсь.

Голос у Маренн дрогнул, и Вальтер, успокаивая любимую, поцеловал её в висок:

– Я думаю, твой отец ни в чем не упрекал тебя. Он слишком любил тебя для этого. Если он кого и винил, то только себя. Но ему выпал выбор, какой достается только великим людям. Выбор между любимой дочерью и самой Францией. Он все сделал правильно. Он сделал то, к чему шел всю жизнь. Но большие свершения требуют ничуть не меньших жертв. И он пожертвовал самым дорогим – твоей привязанностью, твоей любовью к себе. Я думаю, он был уверен, что время примирит вас, только не дождался этого времени.

– Это правда, – согласилась Маренн.

На несколько мгновений снова воцарилось молчание. В спальне стало очень тихо. За окном шумел ветер.

Вдруг в соседней комнате зазвонил телефон. Вальтер, поцеловав Маренн в губы, встал, накинул халат:

– Это наверняка рейхсфюрер.

– Рейхсфюрер бодрствует в такое позднее время, – Маренн даже не спросила, просто недоуменно пожала плечами.

– У него много забот. К тому же пока бодрствует фюрер, он не может покинуть свой пост, никто из нас не может.

– Я знаю, – вздохнула Маренн и поудобнее устроила голову на подушках.

– Спи. Я сейчас, – Шелленберг вышел из спальни.

Было слышно, как он разговаривает по телефону.

– Да, мой рейхсфюрер. Я тоже так думаю, вы правы... Собственно этого мы и ожидали...

Яволь.

Он повесил трубку.

– Есть основания полагать, – сказал, снова возвращаясь в комнату, – что Хорти получил наше сообщение по тайным каналам, мы опередили Кальтенбруннера. Завтра граф Эстерхази подтвердит ему всё. И теперь я не знаю, какая сила заставит его отправиться в Клейсхайм на встречу с фюрером. Разве только приступ слабоумия, – Вальтер грустно усмехнулся, – или из ряда вон выходящие обстоятельства. Если Хорти останется в Будапеште, осуществить агрессию, прикрывшись его именем, будет непросто. Нет никакой уверенности, что он смолчит, а тем более станет прикрывать всё это. Даже его молчание несет в себе угрозу. Если же он выступит с возвзванием к народу, германские вооруженные силы ждёт серьезный отпор, не обойдется без жертв, а это даст союзникам повод вмешаться, начать бомбардировки Венгрии, например. А в дальнейшем осуществить и высадку. Это большой риск, который Кейтель и Кальтенбрун-

нер не могут не принимать в расчет. Так что Хорти им нужен, очень нужен, живой и здоровый в их руках. Пока. Пока они не захватили страну и не взяли в свои руки все рычаги управления.

– А если адмирал всё-таки поедет в Клейсхайм? – осторожно спросила Маренн.

– Это серьезно осложнит дело, – ответил Вальтер. – Теперь, имея наше предупреждение, он сам отдаст себя в заложники, понимая, к чему всё это приведет. Я даже не могу тебе сказать, какими при этом он может руководствоваться соображениями, разумных поводов я не вижу.

– Он может решить, что, находясь внутри процесса, он как-то повлияет на него, – предположила Маренн, приподнявшись на локте. – Может рассчитывать на убеждение. Нет? Ведь он аристократ, всю жизнь провел в весьма рафинированных условиях при венском дворе. Хотя революция 1918 года и недолгая власть красных наверняка способствовали прозрению, он все-таки до конца не представляет, с кем он имеет дело. Не представляет весь этот цинизм, способность легко расторгнуть достигнутые соглашения, обмануть. Хорти привык жить по принципам. Он может просто заблуждаться. Просто оказаться неподготовленным к тому, что его ждет. Ты не находишь?

– Если он даже и заблуждался раньше, сейчас, получив наше сообщение, он должен всё прояснить для себя, – Вальтер присел на край постели. – А граф Эстерхази, который прибудет в Будапешт завтра, окончательно просветит его на этот счёт. Нет, если, имея на руках такую информацию, Хорти всё-таки решится ехать в Клейсхайм, это будет наивность ягненка, который почему-то верит, что волк не съест его, потому что сыт, а сядет играть с ним в шахматы, к примеру. Волк – хищник, и потому никогда не бывает сытым. Не надо обманываться на этот счет.

Шелленберг наклонился, привлек Маренн к себе, с нежностью поцеловал её шею.

– Я пойду в кабинет, – сказал негромко. – Отдыхай. Мне надо составить для рейхсфюрера служебную записку. Она нужна ему завтра утром.

* * *

– Это извечная проблема, которая всегда стояла перед предводителями германской армии, начиная с Мольтке-старшего и Шлиффена. Они спрашивали себя о том, где искать решение, на Востоке или на Западе, – генерал Ференц Сомбатхейи, начальник венгерского Генерального штаба встал, заложив руки за спину, подошел к окну, взглянул на аккуратно подстриженные деревья, обрамляющие аллею парка, и на заснеженный фонтан, окруженный мифологическими скульптурами. Фельдмаршал Кейтель, сидя за столом, накрытым картами, внимательно смотрел на венгра, ожидая, что же тот скажет дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.